№ 3 (24) **2014**

Мы и право
Научно-практический журнал
Издается с декабря 2008 года

Соучредители: *Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»,*
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский гуманитарный институт».

Главный редактор: *В. А. Юсупов, доктор юридических наук, профессор.*

Редакционная коллегия:
Дерюгина Т. В., ректор НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт», доктор юридических наук, профессор, член Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;
Иншакова А. О., заведующий кафедрой гражданского и международного частного права ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», доктор юридических наук, профессор, член Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;
Маликов Е. Ю., председатель Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», член Общественной палаты Волгоградской области, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт»;
Филиппов П. М., председатель Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ответственный редактор: *М. О. Каррыев.*

За содержание и достоверность материалов статей редакция ответственности не несет.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адреса соучредителей: Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»: 400001 Волгоград, ул. Профсоюзная, д. 15А,
Негосударственное образовательное частное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский гуманитарный институт»: 400119 Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. 25-летия Октября, д. 1, стр. 2.
Адрес редакции: *400011 г. Волгоград, проспект Университетский, 64,*
Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
Тел.: (8442) 46-68-42.
E-mail: izdviesp@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 34-00585 от 15 апреля 2014 года.

© Волгоградское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2014
© Негосударственное образовательное частное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский гуманитарный институт», 2014
© Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский институт экономики, социологии и права», 2014

Р. Р. Баев

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

После Октябрьской революции 1917 года принудительные переселения по национальному признаку в Советском государстве получили свое продолжение и развитие. Соответствующие мероприятия его, как правило, противоречили всем его конституциям и действующему законодательству. Так, они ни коим образом не соответствовали той политике «добровольного и честного союза народов России», которая была провозглашена Декларацией прав народов России, принятой Правительством Советской России 2 ноября 1917 года[1]. Принудительные переселения грубо попирали такие закрепленные в названной Декларации основные начала деятельности советского правительства по вопросу о национальностях, как равенство и суверенность народов России, отмена всех национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

В результате принудительных переселений по национальному признаку нарушалась статья 22 Конституции РСФСР 1918 года, которая признавала за ее гражданами равные права независимо от их национальной принадлежности, объявляла противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия[2]. Нарушались и аналогичные положения, закрепленные в ст. 13 Конституции РСФСР 1925 года[3].

Противоречили принудительные переселения и основным положениям Конституции СССР 1924 года о взаимном доверии и мире, национальной свободе и равенстве, мирном сожительстве и братском сотрудничестве населяющих страну народов[4]. В результате принудительных переселений по национальному признаку были грубо нарушены Конституция СССР 1936 года и Конституция РСФСР 1937 года.

Специалисты по изучаемой проблематике, например П. Полян, выделяют порядка 150 «депортационных кампаний»[5], в том числе могущих служить предысторией принуди-

[1] СУ РСФСР. – 1917. – № 2. – Ст. 18.

[2] Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937 годы) // Сборник документов под редакцией академика И. П. Трайнина. – М., 1940. – С. 24.

[3] Там же. – С. 163.

[4] Конституционные акты Союза ССР (1922–1936 годы) // Сборник документов под редакцией академика И. П. Трайнина. – М., 1940. – С. 41.

[5] Полян П. Депортационные операции в СССР // URL: http://www.auditorium.ru

тельного переселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма в годы Великой Отечественной войны. Среди них в качестве наиболее характерных по теме настоящего исследования следует выделить выселение казаков из Притеречья в 1918–1920 годах, финнов в 1935 и 1942 годах, поляков из западных приграничных районов в 1936-м, 1940–1941 годах, курдов из южных приграничных районов в 1936 и 1937 годах, в 1941–1942 годах – немцев.

Начало принудительным переселениям по национальному признаку в Советском государстве было положено на Северном Кавказе, в Терской области. В годы Гражданской войны они явились признанным средством для разрешения противоречий, возникших между местным белоказачеством, крестьянами и поддерживавшими их осетинами, с одной стороны, и пользовавшейся поддержкой советской власти вайнахской безземельной беднотой – с другой. Вайнахи стремились осуществить передел земельных угодий в свою пользу, в связи с чем проводили политику «дерусификации» края[1]. После того, как в марте 1918 года в Терской области установилась советская власть, во Владикавказе в марте-апреле того же года состоялся Казаче-крестьянский съезд Советов, который принял решение о плановом переселении жителей станиц Тарской, Сунженской, Воронцово-Дашсковской и Фельдмаршальской. Данные населенные пункты и прилегающие к ним земли были переданы ингушской бедноте[2]. Накануне указанные станицы были частично уничтожены, частично блокированы ингушами, предъявившими казакам ультиматум о сдаче оружия и выселении в двухдневный срок.

В обмен на гарантии личной и имущественной неприкосновенности 1 781 семья (10 255 человек) переселилась в станицы, расположенные за Тереком. При этом переселенцам была выделена компенсация на сумму 120 млн руб. за оставляемые постройки, инвентарь, скот и урожай 1918 года. Никакого возмещения за утраченные казаками земли не последовало. В конце 1918 года при СНК РСФСР была организована Комиссия по переселению казачьих станиц. Помимо прочего на нее было возложено «…приведение в известность имущества, оставленного ингушам». Характерно, что, страдая от совершаемых горцами грабежей и убийств, казачество само обращалось в начале декабря 1918 года к 5-му съезду народов Терека с ходатайством о переселении их на один из участков Пятигорского отдела[3]. Как отмечали при рассматриваемых обстоятельствах современники, «ингуши поддерживали большевиков, чтобы при их помощи выполнить свою национальную задачу уничтожения чересполосицы и на округленной территории усиления своей мощи»[4].

После захвата в феврале 1919 года Терской области белогвардейцами, изгнанные казаки в июле того же года возвратились в свои станицы[5]. Однако уже в марте 1920 года, после окончательного разгрома белых на Северном Кавказе, большевики вновь вернулись к принудительному переселению казаков по мотивам их выступлений против советской власти. В награду за поддержку в борьбе с Добровольческой армией Кавказское бюро ВКП(б) и Политбюро ЦК ВКП(б) постановили наделить горцев землей, «не останавливаясь перед выселением станиц»[6]. В связи с этим была организована Комиссия по переселению казаков, по образу и подобию той, что была создана в 1918 году при рассмотренных выше обстоятельствах[7].

17 апреля 1920 года русское население Сунженской, Воронцово-Дашковской и Тарской станиц было выселено вновь на основании ранее принятых в 1918 году решений. Переселение осуществлялось в ускоренном порядке. Специальной комиссии Владикавказским ревко-

---

[1] Курбанов М. Р., Курбанов Ж. М. Дагестан: депортации и репрессии. Трагедия и уроки. – Махачкала, 2001. – С. 45.

[2] Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–… годы): его предыстория и факторы развития / Историко-социологический очерк. – М., 1998. – С. 49–50.

[3] См. подр.: Полян П. Депортационные операции в СССР // URL: http://www.auditorium.ru

[4] См. там же.

[5] Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–… годы): его предыстория и факторы развития / Историко-социологический очерк. – М., 1998. – С. 50.

[6] См. подр.: Полян П. Депортационные операции в СССР // URL: http://www.auditorium.ru

[7] Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. – 1997. – № 8. – С. 100.

мом было поручено подыскать для казаков земельные участки в Пятигорском отделе (в районе Минеральных Вод, а также бассейне рек Кума и Подкумок). В просьбе задержаться на год для подготовки к переезду и сбора урожая для пополнения жизненно необходимых запасов продовольствия казакам было решительно отказано. Необходимо отметить, что обстоятельства принудительного переселения казаков из Терской области вызвали значительные антисоветские проявления среди населения их нового места жительства. Характерно, что переселялись не только белые, но и красные казаки, так как из девяти тысяч их семей только 1 500, или каждая шестая, были отнесены к разряду «по-настоящему контрреволюционных»[1].

В последующем принудительное переселение казаков на Северном Кавказе осуществлялось под предлогом их участия в бандповстанческом движении. Распоряжение о выселении каждой восставшей станицы было отдано в сентябре 1920 года членом Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе. В октябре 1920 года «выселению военным порядком» подверглись жители пяти восставших станиц – Ермоловской, Романовской, Самашкинской, Михайловской и Калиновской. Их выселили в Донбасс, а также на север европейской части России (в частности, в Архангельскую область). Переселению туда подлежали только мужчины и женщины в возрасте 18–50 лет. Прочие выселялись спустя некоторое время в окрестные хутора и другие станицы не ближе 50 км от прежнего места проживания. При рассматриваемых обстоятельствах осенью 1920 года было переселено около девяти тысяч семей (примерно 45 тысяч человек). Самовольное возвращение подвергшихся выселению казаков решительно пресекалось[2].

Освободившиеся земельные наделы выселенных казаков, насчитывавшие около 98 тысяч десятин пашни, были переданы ингушской и чеченской бедноте. 30 октября 1920 года И. В. Сталин направил В. И. Ленину телеграмму о положении на Северном Кавказе, свидетельствовавшую о том, что принудительное переселение казачества было осуществлено прежде всего в интересах горцев: «Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в распоряжение чеченцев…»[3]. Следует отметить, что, хотя рассмотренные мероприятия и сделали горцев на некоторое время опорой советской власти на Северном Кавказе, вместе с тем они способствовали и резкому ухудшению криминогенной обстановки в регионе, так как после выселения казаков в нем резко усилился бандитизм. Часть горского населения и вовсе занялась регулярными восстаниями и мятежами против советской власти.

В конечном счете принудительное переселение казачества, осуществлявшееся при рассматриваемых обстоятельствах, привело к ликвидации компактного ареала проживания русских на Северном Кавказе. 16 апреля 1921 года была образована Горская республика, объединившая осетин и ингушей, что позволило стабилизировать напряженность между этими народами. Сунженский, Казачий, Зеленчукский и Ардонский казачьи округа как административно-территориальные единицы были ликвидированы. Выселенные станицы преобразовывались в аулы и получали новые названия. Так, по Назрановскому округу станица Сунженская была переименована в аул Акки-Юрт, Воронцовско-Дашковская – в Таузен-Юрт, Тарская – в Ангушт, Тарский хутор – в Шолхи, Фельдмаршальская – в Алхасте. По Чеченскому округу станицу Михайловскую переименовали в аул Асланбек, Самашкинскую – в Самашки, Романовскую – в Закан-Юрт, Ермоловскую – в Алхан-Юрт[4].

Как известно, осуществлявшееся в СССР с конца 1929 года раскулачивание включало сопровождавшееся конфискацией имущества выселение наиболее зажиточной, авторитетной и антисоветски настроенной части кулаков из областей (краев), где они проживали, в отдаленные регионы страны. Данная репрессивная мера впервые и получила наименование

---

[1] См. подр.: Полян П. Депортационные операции в СССР // URL: http://www.auditorium.ru

[2] См. подр.: там же.

[3] Там же.

[4] Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–… годы): его предыстория и факторы развития / Историко-социологический очерк. – М., 1998. – С. 180.

спецпоселения или трудпоселения. Кроме того, ее называли кулацкой или трудовой «ссылкой». По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, в 1930–1931 годах этой мере подверглись 381 173 семьи, насчитывавшие 1 803 392 человека. Направленные в «кулацкую ссылку» крестьяне до 1934 года назывались спецпереселенцами, в 1934–1944 годах – трудпоселенцами, с 1944 года – снова спецпереселенцами. Помимо прочих, принудительное переселение раскулаченных преследовало цель спецколонизации – освоения необжитых и малообжитых районов страны[1]. До 1933 года раскулаченные почти сплошь образовывали такую категорию репрессированных в административном порядке, как спецпереселенцы. С течением времени, в том числе и при рассматриваемых обстоятельствах, к ним были отнесены и иные лица, в том числе подвергшиеся принудительному переселению по национальному признаку.

Мероприятия, связанные с принудительным переселением раскулаченных в места спецпоселения, обеспечивались в основном органами и войсками ОГПУ, а также милицией[2]. Расселением, трудоустройством и пр. в отношении спецпереселенцев-кулаков до июля 1931 года ведали краевые и областные исполкомы. 3 июня 1931 года заместителем председателя ОГПУ Г. Г. Ягодой был издан Приказ «О передаче в ведение ОГПУ обслуживания районов вселения кулаков», которому предшествовало аналогичное решение ЦК ВКП(б) от 20 мая того же года[3]. Согласно Постановлению СНК СССР «Об устройстве спецпереселенцев» от 1 июля 1931 года, их административное управление, хозяйственное устройство и трудовое использование передавались ОГПУ СССР. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 года 20 апреля и 21 августа 1933 года были организованы так называемые специальные (трудовые) поселения для раскулаченных, которые входили в систему ГУЛАГа ОГПУ СССР (с 1934 года – НКВД СССР)[4]. Тем самым ответственность за осуществление надзора, устройства, хозяйственно-бытового обслуживания и трудоиспользования находящихся на спецпоселении раскулаченных была возложена на ГУЛАГ.

25 октября 1931 года начальником ГУЛАГа ОГПУ СССР Л. И. Коганом было издано Временное положение ОГПУ о правах и обязанностях спецпереселенцев и функциях поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев[5]. Согласно этому положению административное управление спецпереселенцами, организация их труда и быта в спецпоселках возлагались на комендатуры ОГПУ. Поселковые комендатуры находились в непосредственном подчинении отделов по спецпереселенцам при Полпредствах ОГПУ на местах либо участковых и районных комендатур. Руководствуясь положением о сельсоветах, в спецпоселках комендатуры ОГПУ, помимо своих оперативных и хозяйственных функций, осуществляли и административные функции подобно органам советской власти, подчиняясь при этом местным райисполкомам.

Значительное внимание названное Временное положение уделяло регламентации обязанностей и прав спецпереселенцев. Так, на всех трудоспособных переселенцев возлагалась обязанность заниматься общественно-полезным трудом. Характер и место работы при этом определялись управляющими спецпереселенцами органами ОГПУ. Спецпереселенцам и членам их семей категорически запрещалось без разрешения комендатуры ОГПУ менять как свое место жительства, так и квартиру. Аналогичное разрешение требовалось и на отлучку за пределы своего спецпоселка.

Согласно Временному положению, все спецпереселенцы и их семьи, неукоснительно соблюдавшие установленные для них правила и добросовестно относившиеся к порученной им работе, имели право на полное восстановление их во всех гражданских правах спустя пять лет со дня переселения. В вопросах оплаты труда и снабжения продовольствием и товарами все спецпереселенцы и члены их семей приравнивались к вольнонаемным рабочим.

---

[1] См. подр.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 16.
[2] Государственный архив Волгоградской области. – Ф. 313. – Оп. 7. – Д. 22. – Л. 19–23.
[3] Центральный архив ФСБ РФ. – Ф. 2. – Оп. 10. – Д. 379/а. – Л. 111–112.
[4] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 30.
[5] Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 40–43.

Кроме того, на них распространялись права на: медицинскую и социальную помощь; прием в местные школы и иные учебные заведения наравне с вольнонаемными; использование всех общественных форм наилучшей организации труда, поднятия его производительности и улучшения качества продукции (включая социалистическое соревнование, ударничество и пр.); организацию с предварительной санкции комендатуры ОГПУ культурно-просветительных организаций, а также проведение необходимых для этого собраний; приобретение издающейся в СССР периодики и литературы; обмен корреспонденцией, посылками и денежными переводами; возведение жилых домов, приобретение имущества, домашнего скота и инвентаря; передачу через комендатуры ОГПУ своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей до 14 лет, а также нетрудоспособных престарелых.

Временным положением специально оговаривались обязанности комендатур. Так, в зависимости от места расположения того или иного спецпоселка, его величины, хозяйственных задач и признаков на соответствующие спецкомендатуры возлагалась разработка правил внутреннего распорядка, которые утверждались Отделом по спецпереселенцам при местном Полпредстве ОГПУ, после чего доводились до всеобщего сведения спецпереселенцев как обязательное административное постановление. Комендатуры ОГПУ закрепляли за определенными домами конкретные семьи либо отдельных спецпереселенцев, вели их точный поименный учет, а также осуществляли систематическую проверку наличия прикрепленных. Следили они также за выполнением и перевыполнением спецпереселенцами трудовых обязательств по работе в промышленности и собственном хозяйстве, применяя в необходимых случаях полагающиеся меры воздействия, а также за точным выполнением хозяйственными организациями всех обязательств в отношении спецпереселенцев, предпринимая в случае их нарушения все необходимые меры.

Комендатуры ОГПУ были обязаны принимать устные и письменные заявления, жалобы и просьбы от спецпереселенцев, на месте разбирать и разрешать их в пределах своей компетенции в кратчайшие сроки. Кроме того, на них возлагалась ответственность за политический и общественный порядок в спецпоселках, за сохранность имущества, за постановку противопожарных мероприятий, санитарное состояние и прочие мероприятия, направленные к «трудовому советскому порядку в спецпоселках». Особой инструкцией предусматривалось даже привлечение к охране общественного порядка в спецпоселках самих спецпереселенцев.

Права комендатур ОГПУ включали привлечение к ответственности спецпереселенцев, нарушающих «порядки», установленные для них администрацией поселков, иными административными органами советской власти, а также советским правительством. Привлечение к ответственности осуществлялось в административном порядке в рамках предоставленных им полномочий самими комендатурами, их вышестоящими органами ОГПУ; в «судебном порядке» – Коллегией ОГПУ по представлению местного Полпредства ОГПУ; в «общегражданском судебном порядке» – по представлению органов ОГПУ или следственных органов Наркомюста. Привлечению к ответственности (как административной, так и судебной) в обязательном порядке предшествовало письменное дознание или предварительное расследование с опросом сторон, а в необходимых случаях – свидетелей.

В рамках возложенных на них полномочий поселковые спецкомендатуры были вправе подвергать спецпереселенцев аресту до пяти суток или денежному штрафу до пяти рублей. Районные и участковые комендатуры – аресту до 10 суток или денежному штрафу до 10 рублей. Отделы по спецпереселенцам (с утверждением ПП ОГПУ) – подвергать перечисленным выше мерам и, кроме того, переводить в другие поселки и снимать с работы на срок не свыше двух месяцев. Названные отделы в случаях, содержащих в себе элементы политических или уголовных преступлений, могли также передавать дела для разрешения через Коллегию ОГПУ или органы Наркомюста.

В случае привлечения спецпереселенцев к ответственности за общеуголовные преступления комендатуры ОГПУ служили первичными органами дознания применительно к функциям, выполняемым милицией. Прокурорский надзор за спецпоселками осуществлялся на основании Положения о прокурорском надзоре за органами ОГПУ.

К июлю 1938 года для административного обслуживания 1 741 спецпоселка раскулаченных было сформировано 150 районных и 800 поселковых комендатур. Ими руководили Отделы мест заключений и трудовых поселений местных Управлений НКВД СССР, а также Отдел трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР. Все они содержались за счет процентных отчислений с заработной платы спецпереселенцев (до августа 1931 года – 25%, до февраля 1932 года – 15%, впоследствии – 5%)[1].

До конца 30-х годов XX века большинство спецпереселенцев-кулаков оставались без паспортов. Лишь с 1939 года некоторым их категориям была разрешена выдача паспортов с особой пометкой о проживании по месту спецпоселения. Несмотря на то, что для спецпоселений раскулаченных специально выбирались труднодоступные места, многие из них совершали побеги. Активный розыск таких беглецов при этом не предусматривался.

Как это уже было указано, трудовое использование спецпереселенцев-раскулаченных осуществлялось на общих основаниях с остальными советским рабочими и служащими, с той лишь разницей, что их не принимали в профсоюз и удерживали из их зарплаты указанные процентные выплаты. К 1938 году трудпоселенческие артели в основном были преобразованы в обычные колхозы. До конца 30-х годов XX века трудпоселенцы в армию не принимались и на учете в военкоматах не состояли. До 1933 года все раскулаченные-спецпереселенцы были лишены избирательных прав. Впоследствии восстановление избирательных прав имело место сначала для их добросовестно работавших совершеннолетних детей, а затем, с 1935 года, – и для имевших положительные характеристики взрослых. К участию в выборах на общих основаниях спецпереселенцы-раскулаченные были допущены после принятия 5 декабря 1936 года новой Конституции СССР. Юридически спецпереселенцы-раскулаченные были восстановлены в гражданских правах Постановлением ЦИК СССР от 27 мая 1934 года. Однако права выезда с мест спецпоселения они по-прежнему лишались. Такую возможность со временем обрели лишь «ничем не опороченные» достигшие 16-летнего возраста их дети – согласно Постановлению СНК СССР «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» от 22 октября 1938 года[2].

Принудительное переселение советских финнов из пограничной полосы Ленинградской области и Карелии специалисты рассматривают как первую депортацию, квалифицируемую как частичная этническая чистка[3]. Первое решение об этом было принято Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 4 марта 1935 года. Собственно переселение регулировалось специально изданной по этому поводу инструкцией НКВД СССР «по очистке погранполосы Ленобласти и Карелии от кулацкого и антисоветского элемента в порядке репрессии», которая поступила в Управление НКВД по Ленинградской области 25 марта 1935 года. Названная инструкция содержала ряд изъятий при переселении финнов для некоторых категорий граждан. Так, запрещалось выселять бывших красных партизан, семьи красноармейцев и иностранных подданных. Принудительному переселению подлежали только те финские семьи, которые имели в своем составе не менее одного трудоспособного.

Переселение осуществлялось в два этапа: вначале (в апреле) были выселены финны из 22-километровой приграничной полосы, а затем (в мае) – из 100-километровой приграничной полосы в Ленинградской области и 50-километровой – в Карелии[4]. В течение марта-апреля 1935 года оказались выселенными 5 059 финских семей, насчитывавших 23 217 человек. 1 556 из них были размещены в трудпоселках Западной Сибири, 7 354 – в Свердловской области, 1 998 – в Киргизии, 3 886 – в Таджикистане, 2 122 – в Северном Казахстане и 6 301 – в Южном Казахстане. Они были отнесены к категории «бывшие кулаки» и наделены статусом трудпоселенцев, а впоследствии – спецпоселенцев.

В августе 1941 года и марте 1942 года финны подверглись принудительному переселению из Ленинграда и его окрестностей по постановлениям Военного совета Ленинградского

[1] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 30.
[2] Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 5446. – Оп. 32. – Д. 25. – Л. 46–49.
[3] Там же. – С. 78.
[4] Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 78.

фронта. В результате на спецпоселение поступили в общей сложности 44 737 финнов-спецпереселенцев. 17 837 из них были размещены в Красноярском крае, 8 267 – в Иркутской области, 3 602 – в Омской области, остальные – в Вологодской и Кировской областях[1].

28 апреля 1936 года, согласно Постановлению СНК СССР «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств», были переселены около 45 тысяч местных жителей из 800-метровой полосы, примыкавшей к советско-польской границе. По завершении этой операции выселенными оказались 69 283 человека, в основном поляки[2]. Тем самым обеспечивалась необходимая секретность при строительстве разного рода военных объектов.

29 декабря 1939 года Постановлением СНК СССР из этих же соображений (а также в силу объявления осадников «злейшими врагами трудового народа») были утверждены «Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР» и Инструкция НКВД СССР «О порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР»[3].

Постановлением советского правительства от 2 марта 1940 года из Западной Украины и Западной Белоруссии были выселены семьи всех содержавшихся в лагерях военнопленных и местах заключения бывших офицеров Польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников, участников повстанческих и контрреволюционных организаций, беженцев с отошедшей к Германии территории бывшей Польши. Инструкция о порядке выселения этих лиц была утверждена СНК СССР 10 апреля 1940 года[4].

В общей сложности с февраля 1940 года по июнь 1941 года из западных областей Украины, Белоруссии и Литвы были принудительно переселены более 380 тысяч поляков. На 1 апреля 1941 года на спецпоселении были зарегистрированы 134 491 осадник и 76 068 беженцев из числа выселенных поляков. Для их размещения было организовано 563 спецпоселка. Характерно, что практиковалось раздельное проживание осадников и беженцев. Поэтому 312 спецпоселков предназначались для осадников и 251 – для беженцев[5]. Труд большинства спецпоселенцев-поляков использовался на лесоразработках Наркомлеса СССР.

Необходимо отметить, что принудительное переселение поляков, особенно в первое время, не носило ярко выраженного репрессивного характера. Внутри назначенных для их расселения областей они пользовались относительной свободой передвижения. Представители их молодежи и вовсе могли практически беспрепятственно покидать места своего спецпоселения и выезжать за пределы этих областей на работу или учебу. На еще более льготных условиях отбывали спецпоселение поляки из числа беженцев, которых на 1 апреля 1941 года насчитывалось 76 068 человек. Последние имели заметные преимущества в предоставляемых жилищных условиях, снабжении продовольствием, зимней одеждой и пр.[6]. В отличие от поляков, выселенных в 1940–1941 годах с территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, которые лишались избирательных прав, поляки, высланные при рассмотренных обстоятельствах в 1936 году, оставались практически полноправными гражданами Советского Союза[7].

30 октября 1940 года, согласно приказу ГУЛАГа НКВД СССР, оставшиеся в местах спецпоселения 41 772 поляка были приравнены к трудпоселенцам – репрессированным и высланным кулакам. Однако подвергнутые принудительному переселению польские осадники

---

[1] Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 17.

[2] Там же. – Л. 11.

[3] Осадниками называли переселенцев из Польши, в основном бывших военнослужащих Польской армии, в награду за отличие в советско-польской войне 1920 года получивших земельные наделы на Украине и в Белоруссии и выполнявших там полицейские функции в отношении местного населения.

[4] См. подр.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 84.

[5] Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 26–28.

[6] См. подр.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 85–86.

[7] Там же. – С. 79.

и беженцы в состав трудпоселенцев – бывших кулаков включены не были. Считается, что для обозначения именно этой самостоятельной категории граждан впервые был применен термин «спецпоселенцы». Главное их отличие от спецпереселенцев-раскулаченных состояло в более строгом надзоре за ними.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года принудительно переселенные из западных областей СССР поляки из спецпоселения были освобождены, однако из-за невозможности возвращения в оккупированную немцами Польшу некоторое время продолжали оставаться в своих спецпоселках. Многие поляки воспользовались разрешением переселиться в южные регионы Советского Союза. Значительная их часть составила впоследствии польские армии В. Андерса и З. Берлинга.

В несколько этапов осуществлялось принудительное переселение курдов из приграничных районов Азербайджана, Армении, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. Так, 17 декабря 1936 года СНК СССР принял постановление о выселении из пограничной зоны Азербайджана контрреволюционного и бандитского элемента, которое впервые послужило основанием для этого[1]. Первоначально курды были расселены среди колхозников Алма-Атинской области на попечении ее земельного управления, которое занималось вопросами их размещения и трудоиспользования[2]. К числу трудпоселенцев они отнесены не были, однако возвращаться в Армению и Азербайджан им было запрещено.

17 июля 1937 года на основании постановления ЦИК и СНК СССР об организации специальных запретных полос (то есть пограничных зон) из пограничной полосы Армении и Азербайджана были выселены 1 325 курдов, в том числе 812 – в Киргизию и 513 – в Казахстан. В ноябре 1937 года по решению советского правительства из пограничных районов Армении в Киргизию были выселены еще 425 курдских семей, всего около 2 100 человек[3]. По мнению специалистов, занимающихся данной проблемой, в общей сложности в 1937 году при рассматриваемых обстоятельствах была выселена 1 121 курдская семья, всего около 4 280 человек[4]. Часть из них произвольно была отнесена к числу трудпоселенцев, часть – к разряду политических ссыльных и высланных, и лишь в 1952 году они были переведены в категорию спецпоселенцев под наименованием «сомнительный элемент» или «не внушающие доверия»[5].

---

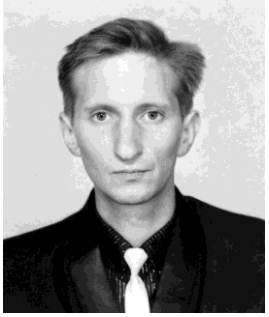
[1] Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 1.

[2] Там же. – Л. 14.

[3] Там же. – Л. 8.

[4] См. подр.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 годы. – М., 2005. – С. 82.

[5] Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 17. – Д. 10. – Л. 2. – Д. 48. – Л. 1. – С. 9–13.



А. В. Баринов, Д. А. Баринов

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕСМОТРА ПРАВОВЫХ НОРМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Число преступлений, совершаемых несовершеннолетними, не уменьшается, а наоборот, увеличивается, несмотря на принимаемые правительством профилактические мероприятия. Но в этом случае речь идет не только о защите прав несовершеннолетних, но и о защите взрослых от их антисоциальных проступков. И, чтобы получить позитивные сдвиги в сторону снижения преступности среди несовершеннолетних, а также по отношению к ним самим, одними правительственными мерами не достигнуть результата. Для этого нужно еще и реформировать правовую базу.

21 марта 2014 года состоялось расширенное заседание Коллегии МВД России, на котором выступили Президент России В. В. Путин и министр внутренних дел России В. А. Колокольцев[1].

В. В. Путин в своем выступлении указал, что имеется тенденция к снижению зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений. Но доля раскрытия преступлений, к сожалению, составляет 44%. Пришло время обновить ряд положений законодательной системы, уделив особое внимание несовершеннолетним. При этом необходимо пресекать любую пропаганду ненависти и радикализма в сети Интернет и на других информационных ресурсах.

В. А. Колокольцев также призвал все субъекты профилактики обратить пристальное внимание на несовершеннолетних правонарушителей, так как за прошлый год отмечена тенденция к росту совершения ими преступлений. Несовершеннолетними и с их участием совершено более 67 тыс. преступлений. За год рост таких преступлений составил 5%. Перелом ситуации в этой сфере возможен только при совместном усилии государства и общества.

Специалистами констатируются неутешительные факты роста подростковой преступности, и порою эти преступления групповые. Так, в Волгограде в мае прошлого года 14-летний подросток организовал бандитское нападение на свою семью, в результате которого были убиты его отец, мачеха и бабушка. В Башкортостане трое подростков задушили своего приятеля, при этом двое держали его за руки, а третий сжимал шею; убили подростка в связи с тем, что старший из них купил у погибшего мотоцикл и не смог полностью отдать деньги. Уголовное дело завели только в отношении двух извергов, так как третий к тому моменту еще не достиг возраста привлечения к ответственности[2].

Известны случаи, когда изнасилование совершают 11–13-летние подростки в отношении своих сверстниц, взрослых женщин и даже старушек. Но пострадавшими могут оказаться и лица мужского пола. Так, 9-летнего третьеклассника изнасиловала группа 10–12-летних[3]. Они его избили и, приставив нож к горлу, пригрозили: если он проболтается, убьют и закопают, и никто его не найдет. Об этом факте мать мальчика узнала от соседки, которая все видела и сделала запись на сотовый телефон картины надругательства над ее сыном. Матери в прокуратуре заявили, что виновники не достигли 14 лет, и они не могут принять меры, в школе же сказали, что мальчик сам просил это сделать. Этот беспредел закончился следующим издевательством: 9-летнего пострадавшего ребенка районной комиссией по делам несовершеннолетних было предложено поместить в приют для реабилитации, оторвав от семьи, отморозков же решено оставить в семьях, даже не поставив на учет.

---

[1] См.: Расширенное заседание Коллегии МВД России от 21 марта 2014 года // URL: http://news.kremlin.ru/news/20624

[2] Линева Л. Преступление молодеет // Волгоградская правда. – 2013. – 13 июня.

[3] Гречухина Ю. Преступление без наказания // Волгоградская правда. – 2009. – 21 ноября.

Конечно, после публикации в «Волгоградской правде» этот случай был тщательно проанализирован, была дана оценка неправедным действиям ряда сотрудников прокуратуры, районной комиссии по делам несовершеннолетних, дирекции школы. Но этот случай свидетельствует о необходимости более внимательного отношения чиновников к пострадавшим.

Групповые преступления подростки совершают по принципу «эффекта толпы» – за компанию, не осмысливая последствия и ответственности. Часто они находятся под воздействием алкоголя, наркотиков и различных одурманивающих средств, вплоть до кальянов, смесей типа «Спайс», шариков, наполненных эфиром, ядовитых грибов (бледной поганки, мухомора), дурмана или белены и др. Порою преступления, совершаемые подростками, отличаются особой жестокостью. При этом они чувствуют безнаказанность, ссылаясь на свой малолетний возраст – еще нет 14 лет. И даже за тяжкие преступления в таком возрасте не несут ответственности, согласно ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В ряде стран в связи с этим *к уголовной ответственности стали привлекать подростков с 10 лет, а с семи лет – в США, Австралии, Великобритании, Индии, Ирландии, Сингапуре, Швейцарии.*

Всплеск подростковой преступности обусловлен более ранним физическим развитием с некоторым отставанием формирования социальных рефлексов, в том числе умения держать эмоции, не поддаваться соблазнам. При этом отмечено более раннее физическое развитие и половое созревание на 2–3 года, и это явление медицинскими специалистами названо акселерацией.

Акселерация, или акцелерация (от лат. acceleratio – ускорение), – ускорение роста и полового созревания детей и подростков по сравнению с предшествующим поколением[1]. Это явление отмечено в начале 20-го столетия. Оно связано с улучшением уровня экономического состояния населения. Наряду с этим наблюдается и рост интеллектуального развития подростков по сравнению со сверстниками прошлых лет под влиянием более широкого общения с прессой, телевидением и более доступным обучением, но все равно формирование социальных рефлексов отстает[2].

Происходит снижение возраста спортсменов, достигших высоких результатов даже на чемпионатах мира, особенно среди спортсменок по художественной и спортивной гимнастике, которые становятся мастерами спорта в 13–14 лет. И с учетом этого паспорт стал выдаваться не с 16, а с 14 лет.

К 14-летнему возрасту, согласно западной психиатрии и международной классификации психических расстройств, показатель компетентности (коэффициент интеллекта – IQ), определяемый с помощью психологических тестов, равняется 70. Те же случаи, когда IQ ниже, свидетельствуют об отставании в психическом развитии, и тогда решается вопрос об уменьшенной вменяемости или невменяемости[3].

В Государственной Думе России депутаты высказываются за снижение возраста привлечения к уголовной ответственности с 16 до 14 лет, а в случае совершения тяжких преступлений – с 12 лет. Но по настоящее время эти предложения не учтены в формулировках 2.1 и 2.2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В свое время Д. А. Медведев, будучи президентом, ссылаясь на статистику МВД Российской Федерации, обнародовал следующие шокирующие факты. В течение года жертвами жестокости и равнодушия со стороны взрослых стали 126 тыс. детей. Из них стали жертвами насилия и причинения тяжкого вреда здоровью 2 330 ребят. 1 914 детей были забиты до смерти. В розыске находились 12,6 тыс. детей. Ежегодно в России более 2 тыс. малолетних кончают жизнь самоубийством, а 50 тыс. девчонок и мальчишек пускаются в бега[4].

---

[1] Советский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия. – 1983. – С. 34.

[2] Баринов А. В., Баринов Д. А. Юридическая ответственность несовершеннолетних // Правовой аспект. – № 2 (8). – 2010. С. 13.

[3] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24 мая 1996 года) // СПС «КонсультантПлюс». – Ст. 21–22.

[4] Аргументы и факты. – №. 81 (154). –2009. – 29 мая – 8 июня.

Есть и другие опубликованные печальные факты, имеющие отношение к несовершеннолетним. Около 400 тыс. ребят состоят на учете в правоохранительных органах, а 10–15 тыс. детей находятся в колониях для несовершеннолетних. Беспризорников в стране не менее 1 млн. Число задержаний подростков составляет 1,2–1,5 млн. в год. В России имеются 1 342 специализированные школы-интерната, в которых содержатся 157 тыс. детей с задержкой умственного развития. 700 тыс. детей – инвалиды[1].

В наши дни в отношении несовершеннолетних нередко совершаются преступления сексуального характера. Среди педофилов оказываются педагоги и чиновники, занимающие высокие государственные должности. Так, педофилом оказался волгоградский педагог с 25-летним стажем, помощник депутата Волгоградской областной думы, претендовавший на должность мэра г. Волгограда, бывший начальник ЭКО г. Волгограда – полковник милиции в отставке.

И вот сообщение о привлечении к уголовной ответственности 49-летнего невролога Волгоградской областной детской клинической психиатрической больницы Дмитрия Марушкина. Этот «доктор» на протяжении года вступал в половую связь с двумя школьниками. Установлено, что он познакомился с двумя 15-летними школьниками через одну из социальных сетей. Акты мужеложства совершал в своей квартире с оплатой ребятам за каждую случку по одной тысяче рублей[2].

А вот и новая сенсация о посягательстве на жизнь и здоровье наших детей[3]. По данным руководителей областной наркологической больницы, учреждение работает в авральном режиме. За последний весенний месяц туда начали в массовом порядке поступать пациенты с тяжелейшими острыми отравлениями неизвестными наркотиками. Их уже свыше 290, в том числе 76 несовершеннолетних, одному подростку было всего 11 лет. Проблема растет, как снежный ком. Новый психоактивный препарат ингаляционного порядка содержится в курительной смеси. Достаточно сделать 2–3 затяжки, и возникает нарушение сознания вплоть до комы, а также психозы с дезориентацией и агрессивным поведением.

Главный врач Волгоградской областной наркологической больницы Игорь Бочков отмечает, что новый психоактивный препарат синтетического происхождения в синтетической смеси идентифицировать не представляется возможным, он не входит в список наркотических веществ, и привлечь к уголовной и административной ответственности за его сбыт и потребление невозможно. Новый психоактивный препарат получил распространение не только в Волгограде и Волжском, но и в других регионах.

Конечно, создание такого рода курительных смесей, содержащих новый психоактивный препарат синтетического производства, это дело рук «взрослых дядей», направленное на гибель молодых людей, и оно представляет угрозу национальной безопасности. Возможно, это связано с деятельностью «пятой колонны», НКО (некоммерческих организаций), получающих финансовую дотацию из зарубежья. Ведь получение нового опасного психоактивного препарата требует специальных разработок и хорошо оборудованных лабораторий с участием высококвалифицированных специалистов.

И вот еще новость: «дяди» придумали электронный наркотик, и в Интернете ведется активное предложение специфических услуг. При превышении звукового порога прослушиваемых аудиозаписей в результате воздействия бинауральных ритмов возникает эффект воздействия наркотических веществ.

Исходя из вышеизложенного необходимо:

1. Усилить борьбу в стране с беспризорностью.
2. В печати более часто освещать случаи о проступках несовершеннолетних и о лицах, вовлекающих их в противоправные деяния.

---

[1] Младенцы. 1 июня – Международный день // Аргументы и факты. – № 21 (189). – 2009. – 28 мая – 3 июня.

[2] Мурзаев М. Должны быть исключены даже малейшие ошибки // Волгоградская правда. – 2014. – 26 июля.

[3] Сурагина О. Неизвестный враг // Волгоградская правда. – 2014. – 2 сентября.

3. Осуществлять более строгий контроль за содержанием рекламы в печати, телевидении и особенно в сети Интернет.

4. Органам здравоохранения разработать более эффективные методы лечения алко- и наркозависимых, решить вопрос на правительственном уровне о принудительных мерах их лечения с изоляцией по решению суда в учреждения типа ЛТП (лечебно-трудовых профилакториев).

5. Специалистам здравоохранения расшифровать новый опасный ингаляционный психоактивный препарат и с участием сотрудников Госнаркоконтроля решить вопрос о включении его в перечень наркотических средств и психотропных веществ, определенный Постоянным комитетом по контролю наркотиков.

6. На федеральном уровне с участием служб Госнаркоконтроля, прокуратуры, правоохранительных органов выявить производителей этого опасного препарата, поставщиков и распространителей.

7. Законодательно решить вопрос о снижении возраста, с которого наступает уголовная ответственность, внеся соответствующие изменения в ч. 1 и 2.ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом предусмотреть уголовную ответственность не с 16-летнего возраста, а с 14 лет, а за тяжкие преступления – с 12 лет.

8. Принимать более жесткие меры в отношении лиц, осуществляющих распространение курительных смесей типа «Спайс».

9. Запретить банкам выдавать кредиты в размере до 950 тыс. рублей и микрофинансовым организациям – кредиты под 2–3% в день, ведь паспорт в настоящее время выдается с 14 лет.

10. Банку России взять под особый контроль допустимую стоимость потребительских кредитов, выдаваемых микрофинансовыми организациями.

11. При проведении расследований с участием несовершеннолетних чаще использовать экспертные исследования, в том числе ДНК-экспертизу, базы данных ДНК-учетов, показания камер видеонаблюдения, анализ биллинговых связей и др. Это должно усиливать доказательную базу.

12. Нашему законодателю в ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотреть смертную казнь серийным убийцам и особо опасным педофилам. В некоторых штатах США такая мера наказания существует.

А. Ю. Белоножкин

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Нормы права подробно исследовались учеными дореволюционной России[1], теоретиками права и цивилистами советской и российской эпохи[2].

И. А. Ильин описал значение правовых норм следующим образом: «Правовые нормы указывают людям их полномочия, запретности и обязанности именно для того, чтобы пропитать их отношения правовым значением, превратить их в правоотношения»[3].

По мнению П. Е. Недбайло, вступая в действие, нормы права указывают, каким должно быть поведение людей, а правовые запреты с этого времени непосредственно возлагают определенные обязанности на участников общественной жизни[4].

О. А. Красавчиков отметил, что норма права (общее предписание) не обращена к какому-то конкретному лицу (лицам). Ее предписание обращено ко «всякому и каждому», чье поведение подпадает под действие этой нормы. Кто из определенной массы субъектов станет участником правоотношения, еще не известно[5].

В теории права отмечается, что норма права представляет собой государственно-обязательную «модель», «типовой масштаб», «образец» человеческого поведения в определенных, фиксированных законодательством условиях жизни[6] и определяет границы возможного или должного поведения людей, меру их внутренней и внешней свободы в конкретных взаимоотношениях[7].

Теоретики права выделяют целый ряд существенных признаков правовых норм и дают развернутые определения этому понятию. Правовая норма есть конкретное правило поведения, рассчитанное на неоднократное применение, установленное или санкционированное государством и обеспеченное мерами государственного принуждения. Норма права – это исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное, формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отправного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений. Самым общим образом юридическая норма может быть определена в качестве исходящего от государства и охраняемого им общеобязательного (общего) правила поведения, которое предоставляет участникам

---

[1] См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М., 1910. – Вып. 1. – С. 280–290; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1910. – Т. II. – С. 321–342; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб., 1914. – С. 41–53; и др.

[2] См.: Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. – М., 1940. – Гл. VII; Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. – М., 1947; Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. – Львов, 1959; Пиголкин А. С. Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права / Под ред. С. Н. Братуся. – М., 1960; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Указ. соч. – Гл. III; Черданцев А. Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. – 1970. – № 1; Кудрявцев В. Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. – 1980. – № 2; Бабаев В. К. Нормы права // Общая теория права. – Н. Новгород, 1993; Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Изд. 2-е, доп. – М., 2005. – Гл. 7; Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008; Вопленко Н. Н. Указ. соч.; и др.

[3] Ильин И. А. и др. Теория государства и права. – М., 2003. – С. 109.

[4] Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. – Изд-во Львовского ун-та, 1959. – С. 89.

[5] Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. – Т. 2.– М.: Статут, 2005. – С. 75.

[6] См.: Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 225.

[7] См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. – М., 2006. – С. 227.

общественного отношения данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности[1].

Гражданско-правовым нормам присущи не только общие признаки, характерные для любых правовых норм, но и свои специфические черты.

К общим признакам следует отнести то, что гражданско-правовые нормы:

1) являются разновидностью социальных норм;
2) имеют цель воздействовать на поведение людей в отношениях, имеющих наиболее важное социальное значение;
3) издаются в определенной форме и в установленном законом порядке;
4) определяют общие модели поведения, рассчитанные на неоднократное применение;
5) распространяют свое действие в отношении неопределенного круга лиц;
6) обеспечены мерами государственного принуждения.

Наличие у гражданско-правовых норм специфических черт обусловлено тем, что указанные нормы относятся к сфере частного, а не публичного права.

Несмотря на то, что вопрос о разграничении публичного и частного права является дискуссионным[2], целесообразно привести точки зрения, позволяющие наиболее точно выделить критерии отграничения права публичного от права частного.

В эпоху римского права Ульпиан одним из первых отметил, что частное относится к пользе отдельных лиц[3].

Известный германский цивилист и теоретик права Август Тон отметил, что к частному праву относится нормативная защита в интересах индивидов против индивидов, когда правопорядок дает защищаемому в случае нарушения нормы средство устранения противоправности и возможность ее использования по своему усмотрению[4].

Частноправовыми нормами являются те, нарушение которых вызывает частное притязание пострадавшего в своем интересе. В противоположность им к публичным правам принадлежат те, нарушение которых основывает публично-правовое притязание. К публичным правам следует причислить те нормы, чье нарушение должно караться исключительно публичным наказанием[5].

И. А. Покровский, указал, что нормы частного права, по общему правилу, имеют не принудительный, а лишь субсидиарный, восполнительный характер и могут быть отменены или заменены частными определениями (jus dispositivum). Вследствие же этого гражданские права суть только права, а не обязанности: субъект, которому они принадлежат, волен ими пользоваться, но волен и не пользоваться; неосуществление права не составляет никакого правонарушения[6].

Также И. А. Покровский провел различие между правом публичным и частным. Ученый пишет: «…если публичное право есть система юридической централизации отношений, то гражданское право, наоборот, есть система юридической децентрализации: оно по самому своему существу предполагает для своего бытия наличность множества самоопределяющихся центров. Если публичное право есть система субординации, то гражданское право есть система координации; если первое есть область власти и подчинения, то второе есть область свободы и частной инициативы»[7].

---

[1] Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. – С. 230; Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 360; Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – С. 286.

[2] См. многообразие точек зрения по этому вопросу: Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. – М.: Волтерс Клувер, 2006. // СПС «Консультант Плюс».

[3] «…Privatum quod ad singulorum utilitatem pertinent». Дигесты Юстиниана. – 1.1.1.2. – Т. 1 / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М., 2002.

[4] См.: Тон А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права. Ч. 3. // Вестник гражданского права. – 2012. – № 3. – С. 286.

[5] См. там же. – С. 287.

[6] См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. – М.: Статут, 2001. – С. 40.

[7] Там же.

По мнению М. М. Агаркова, распределению между частным и публичным правом подлежат не институты, а субъективные права. Частное право есть право лично-свободное. В его границах субъект может осуществлять его в любом направлении. Частноправовая мотивация ставит только известный предел действию других мотивов (эгоистических, альтруистических и др.), не вытесняя их и не заменяя их собой. Наоборот, публично-правовая мотивация сама указывает направление, в котором должно осуществляться право, и исключает действие других мотивов[1].

С. С. Алексеев отмечает, что в публичном праве юридический приоритет имеет воля органов государственной власти, регулирование централизованно строится на началах субординации, то есть по принципу «власть – подчинение», дисциплины, ответственности нижестоящего лица перед вышестоящим[2]. В частном праве юридический приоритет принадлежит воле частных лиц, граждан, их объединений, регулирование носит децентрализованный характер, строится на началах координации, то есть по принципу юридического равенства, несоподчиненности, автономии[3].

В современной учебной литературе указывается, что публичное право связано с публичной властью, носителем которой является государство. Частное право «обслуживает» в основном потребности частных лиц (физических и юридических), не обладающих властными полномочиями и выступающих в качестве свободных и равноправных собственников[4].

По мнению А. Курбатова, критерием деления права на частное и публичное служит интерес. Стоит также упомянуть точку зрения К. Скловского, указавшего, что публичный интерес отличается от частного не качественно, а количественно, выражая известный общий интерес, совокупность частных интересов того или иного коллектива или социума[5]. По его мнению, нормы, направленные на удовлетворение частного интереса, относятся к нормам частного права, а направленные на удовлетворение публичного интереса – к нормам публичного права. Думается, этот подход создает определенные сложности правоприменителю в разграничении публичных и частных интересов. Важно понимать не количество интересов, а их правовую природу, каким именно правом они охватываются – частным или публичным[6]. Данный автор констатирует, что частноправовой подход в правовом регулировании связан с инициативой и самостоятельностью субъектов, реализующих свои собственные (частные) интересы. В публично-правовом подходе преобладают властно-организационные, принудительные начала, связанные с осуществлением общественных и государственных интересов[7].

Аналогичная точка зрения была высказана В. Ф. Яковлевым и Э. В. Талапиной: «Публичное право защищает интересы общества в целом (публичные интересы), а частное – индивидуальные интересы. Публичное право регулирует отношения субординации (властеотношения) путем предписаний, что влечет для граждан обязанности и запреты, а частное – горизонтальные отношения, вступление в которые зависит от воли участников»[8].

В. Ф. Яковлев также считает, что существуют два типа регулирования: присущий частному праву, основанный прежде всего на правонаделении, и присущий публичному праву,

---

[1] См.: Агарков М. М. Ценность частного права // Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. – Т. I. – М., 2002. – С. 72.

[2] См.: Алексеев С. С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1993. – С. 108.

[3] См. там же.

[4] См.: Теория государства и права. Курс лекций / под ред. М. И. Матузова и А. В. Малько. – М., 1997. – С. 358.

[5] См.: Курбатов А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. – 2001. – № 6. – С. 90; Скловский К. Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике // Хозяйство и право. – 2002. – № 6. – С. 35.

[6] Курбатов А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе. – С. 90–91.

[7] Там же. – С. 91.

[8] Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. – 2012. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

основанный на обязывании и на запретах[1]. В соотношении частного и публичного права первое место должно принадлежать частному праву, поскольку именно оно регулирует главные, фундаментальные отношения в человеческом обществе, основу жизнедеятельности людей[2].

С. Т. Максименко указывает, что частноправовая сфера объективно такова, что в ней эффективнее всего разрешительные предписания права. Главное разрешение права состоит в том, что участники частноправовых отношений (физические и юридические лица) вправе сами по взаимному согласию устанавливать для себя правила поведения[3].

По мнению Ю. Г. Лесковой, особенностью тех отношений, которые подлежат регулированию в рамках частного права, является специфика правового положения субъектов, а именно: субъекты юридически равны, свободны в выборе конкретного варианта поведения, имущественно самостоятельны[4].

С. В. Третьяков отмечает, что для публичного права не характерно наделение своих субъектов возможностью совершать любые, в том числе не предусмотренные законом, но незапрещенные действия, напротив, действует противоположное правило. В публичном праве должностные лица лишены возможности по собственному усмотрению решать вопрос о приобретении и осуществлении прав и обязанностей. Наконец, в публичном праве отсутствует различие между возможностью приобретать и осуществлять права и обязанности, с одной стороны, и возможностью приобретать и осуществлять права и обязанности своими действиями – с другой. Таким образом, в публичном праве отсутствует любая из предпосылок для использования категории правоспособности[5].

Следует заметить, что вышеприведенные точки зрения находятся не в противоречии, а в согласовании друг с другом. Их авторы описывают различные стороны одного и того же вопроса.

Обобщая указанные точки зрения, можно выделить следующие отличия права частного от права публичного:

1. Частное право обеспечивает интересы частных (отдельных) лиц. Публичное право направлено на защиту публичных интересов (общества, государства).

2. Субъектам частного права разрешено любое поведение, прямо не запрещенное законом. Частное право определяет общие для всех модели возможного поведения. При этом субъекты частного права могут по своей воле создавать правила взаимного поведения, не противоречащие правовым запретам.

Субъекты публичного права действуют только так, как это прямо предусмотрено нормами права. Они не могут выбрать вариант поведения, отличный от модели поведения, предусмотренной этими нормами. Субъекты публичного права не могут создавать правила поведения в отношениях между собой.

3. Субъекты частного права юридически равны между собой, их отношения строятся «по горизонтали», к ним применяется диспозитивный метод. Они самостоятельны, свободны и независимы в приобретении и реализации прав, интересов и обязанностей.

Субъектам публичного права свойственна субординация по отношению друг к другу, их отношения строятся «по вертикали», к ним применяется правовой метод «власти – подчинения». Субъекты публичного права приобретают и реализуют права, интересы и обязанности в порядке, предусмотренном законом.

---

[1] См.: Яковлев В. Ф. О системном применении права (выступление в Высшем Арбитражном Суде РФ) // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 3. – С. 8.

[2] Там же.

[3] См.: Максименко С. Т. К вопросу о частноправовой сфере регулирования общественных отношений // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 25–26.

[4] См.: Лескова Ю. Г. Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. – 2010. – № 4. – С. 8.

[5] См.: Третьяков С. В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. – 2007. – № 3. – С. 255.

4. В частном праве субъекты не принуждаются к определенному поведению, а частноправовое притязание может затронуть только имущественную сферу лица. Частное право позволяет восстановить имущественное положение потерпевшего лица за счет правонарушителя.

В публичном праве субъекты могут быть принуждены к определенному поведению, а публично-правовое притязание может затронуть как имущественную, так и личную сферу лица. Н. А. Баринов рассматривает проблему принуждения в гражданском праве[1]. Думается, говорить о принуждении в гражданском праве некорректно, так как гражданское право – это сфера свободы. Из этого, конечно, не следует невозможность судебной защиты нарушенного права. Но судебная защита в частном праве не равнозначна понятию «принуждение», которое является категорией права публичного. В публичном праве основная цель – наказание правонарушителя.

Учитывая различия частного и публичного права, можно выделить следующие специфические черты гражданско-правовых норм.

Во-первых, субъектами гражданского права являются частные лица, реализующие свои частные, а не публичные интересы. Соответственно, гражданско-правовые нормы воздействуют на отношения с участием частных лиц, тем самым обеспечивая их интересы.

Сделанный вывод требует уточнения с учетом положения, закрепленного в пункте 1 статьи 2 ГК РФ: «В регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (ст. 124)».

Таким образом, гражданское законодательство указывает на государство (если понимать под ним Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования) как на субъект гражданского права.

Однако государство – все-таки особый субъект гражданского права, так как выполняет властные, публично-правовые функции, которые обеспечивают не частные, а публичные интересы. В связи с этим наделять государство частноправовым статусом неверно.

Исходя из этого считаем, что первой особенностью гражданско-правовых норм является их способность воздействовать на отношения с участием частных лиц и обеспечивать частные их интересы, а в случаях, прямо предусмотренных законом, применяться к отношениям с участием публично-правовых образований.

Во-вторых, гражданско-правовые нормы исчерпывающим образом не определяют модели возможного поведения участников общественных отношений. Участники сами могут определять правила своего поведения. Следовательно, правила поведения могут предусматриваться как в актах гражданского законодательства, так и в соглашении участников общественного отношения.

В соответствии со ст. 8 ГК РФ возможно совершение сделок, как предусмотренных законом, так и, хотя и не предусмотренных, но не противоречащих ему.

Например, участники могут заключить сделку об ответственности[2], которая вообще не предусмотрена гражданско-правовыми нормами. Одним из видов такой сделки является соглашение о возложении ответственности за нарушенное обязательство на другое лицо, давшее на это согласие.

Другим примером может служить соглашение участников долевой собственности, определяющее условия владения и пользования имуществом, находящимся в долевой собственности. При этом гражданское законодательство не определяет существенные условия такого соглашения (п. 1 ст. 247 ГК РФ). Участники долевой собственности согласовывают данные условия самостоятельно.

В то же время при создании подобных частных моделей поведения не должны нарушаться гражданско-правовые запреты. Например, в соответствии с п. 4 ст. 401 ГК РФ

---

[1] См.: Баринов Н. А. Проблема принуждения в гражданском праве // Гражданское право. – 2012. – № 1.

[2] См. подробнее: Хохлов В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. – Тольятти, 1997. – С. 168–173; Богданов Д. Е. Сделки об ответственности в гражданском праве РФ. – М.: А-Приор, 2007.

заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно; не допускаются соглашения, содержащие признаки злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ).

Гражданско-правовые нормы, содержащиеся в актах гражданского законодательства, не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения указанных актов в действие. Обратную силу акты гражданского законодательства могут иметь лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Это правило прямо следует из п. 1 ст. 4 ГК РФ.

Таким образом, действие гражданско-правовых норм, содержащихся в актах гражданского законодательства, по общему правилу обращено в будущее.

Соглашение участников может распространять свое действие не только на будущее, но и на прошлое, если в соглашении будет прямо об этом указано. Этому правилу корреспондирует норма п. 2 ст. 425 ГК РФ, которая закрепляет возможность применения условий договора к отношениям сторон, возникшим до заключения договора.

Таким образом, второй особенностью гражданско-правовых норм является форма их закрепления и характер действия. Гражданско-правовые нормы закрепляются в актах гражданского законодательства или в соглашении участников, которое не должно нарушать гражданско-правовых запретов и по усмотрению сторон может применяться к их отношениям, возникшим как после заключения соглашения, так и до его заключения.

В-третьих, для удовлетворения частных интересов участников общественных отношений необходимы определенные правовые средства. Такими средствами являются гражданские права, обязанности и интересы, которые входят в состав гражданско-правового статуса субъекта.

Участники общественного отношения реализуют свой статус без какого-либо принуждения, действуя (бездействуя) самостоятельно, свободно и независимо. Например, это может быть обладание на законном основании каким-либо имуществом, имущественными и личными неимущественными правами, заключение договоров и иных сделок, наследование и завещание имущества, занятие предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, создание юридических лиц, управление ими и пр.

Если нормы гражданского права определяют только общие пределы самостоятельного, свободного и независимого поведения (ст. 9, 10, 209 ГК РФ и др.), то конкретные варианты поведения зависят от усмотрения самих участников общественных отношений.

Таким образом, третьей особенностью гражданско-правовых норм является то, что они закрепляют гражданско-правовой статус участников и устанавливают для них пределы самостоятельного, свободного и независимого приобретения и реализации гражданских прав, интересов и обязанностей.

В-четвертых, гражданско-правовые нормы позволяют участникам общественных отношений защищать свои нарушенные гражданские права и интересы различными способами, перечень которых приведен в ст. 12 ГК РФ. Этот перечень не является исчерпывающим, так как отдельные способы могут быть предусмотрены законом.

Также гражданское законодательство предусматривает различный порядок защиты гражданских прав. Наряду с судебным и административным порядком защиты гражданских прав (ст. 11 ГК РФ) допускается самозащита гражданских прав (ст. 14 ГК РФ).

При этом любой порядок защиты гражданских прав реализуется только по инициативе потерпевшего лица. Гражданско-правовые нормы не предполагают возможность защиты гражданских прав в ситуации, когда потерпевшее лицо не выражает свою волю на это. Так же как и реализация гражданских прав, их защита осуществляется участниками самостоятельно, свободно и независимо.

Цель гражданско-правовой защиты – восстановить имущественное положение потерпевшего лица, а также устранить нарушение имущественных и личных неимущественных прав и компенсировать связанные с этим лишения.

Для устранения нарушений имущественных прав потерпевшее лицо может, в частности, требовать пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его наруше-

ния, присуждения к исполнению обязанности в натуре, возмещения убытков, взыскания неустойки и пр.

Реализация приведенных способов защиты гражданских прав позволяет защитить имущественные права потерпевшего лица с одновременным уменьшением имущественной сферы правонарушителя.

Для устранения нарушений личных неимущественных прав лицо может, в частности, требовать опровержения сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство и деловую репутацию лица, компенсации морального вреда и пр.

Восстановление имущественного положения потерпевшего лица, равно как и устранение нарушений имущественных и личных неимущественных прав, осуществляются за счет правонарушителя.

В то же время гражданско-правовая защита имущественных и личных неимущественных прав не предполагает личного принуждения правонарушителя. Нарушитель гражданских прав сохраняет свою самостоятельность, свободу и независимость даже в случае, когда несет гражданско-правовую ответственность.

Таким образом, четвертая особенность гражданско-правовых норм заключается в том, что они предусматривают способы и порядок восстановления имущественного положения потерпевшего лица и устранения нарушений имущественных и личных неимущественных прав за счет правонарушителя, но в отсутствие его личного принуждения.

С учетом перечисленных особенностей гражданско-правовых норм, можно сформулировать следующее определение.

Гражданско-правовые нормы – это установленные актами гражданского законодательства или соглашениями участников общественного отношения правила поведения, определяющие гражданско-правовой статус участников, пределы самостоятельного, свободного и независимого приобретения и реализации ими гражданских прав, интересов и обязанностей, а также способы и порядок восстановления имущественного положения потерпевшего лица и устранения нарушений имущественных и личных неимущественных прав за счет правонарушителя, но в отсутствие его личного принуждения.

О. В. Гезикова

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ СДЕЛКА. ПОНЯТИЕ И ПРАКТИКА

28 апреля 2009 года Федеральным законом № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» была введена новая глава, предусматривающая придание некоторым сделкам должника статуса оспоримых.

Основная цель банкротства – дать должнику возможность восстановить платежеспособность своего бизнеса и погасить долги. Именно такая политика курируется за рубежом. Что же касается отечественной практики, то российский законодатель идет по пути ужесточения ответственности должника-банкрота и, скорее, направляет свои действия на защиту интересов кредиторов. С одной стороны, это верный шаг. В настоящее время в России увеличилось количество банкротств организаций, при которых кредиторы не могут удовлетворить свои требования, так как при заявлении соответствующих требований у должника не хватает имущества удовлетворить желания всех кредиторов. Распространенным стало создание «фирм-однодневок», которые банкротятся в течение небольшого срока своей деятельности, используя механизмы вывода активов организации, распродажи имущества подставным лицам. Таким образом, они ставят себя в положение, по всем признакам соответствующее банкротству. По этой причине в России вошла в практику политика ужесточения ответственности должника. Одним из шагов в этом направлении и стало введение Федеральным законом № 73 в ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – закон о банкротстве) главы III.1 «Оспаривание сделок должника», которая вызывает много вопросов как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Охарактеризуем некоторые из них.

До принятия закона, вносящего поправки в закон о банкротстве, в ГК РФ уже существовал механизм признания недействительными оспоримых и ничтожных сделок. Именно этот механизм применялся и арбитражными судами при совершении процедуры банкротства, так как в самом законе о банкротстве подобная процедура не была предусмотрена. Суды руководствовались постановлениями ВАС РФ. Так, в п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 года № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» говорилось, что суды должны исходить из недопустимости злоупотребления гражданскими правами (п. 1 ст. 10 ГК РФ) и необходимости защиты при банкротстве прав и законных интересов кредиторов. ВАС РФ также отмечал, что по требованию арбитражного управляющего или кредитора может быть признана недействительной совершенная до или после возбуждения дела о банкротстве сделка должника, направленная на нарушение прав и законных интересов кредиторов, в частности направленная на уменьшение конкурсной массы сделка по отчуждению по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам. С введением главы III.1 появилась возможность признания сделок должника недействительными как по основаниям, предусмотренным в ГК РФ, так и по новым основаниям, предусмотренным в самом законе.

Подозрительная сделка. Наряду с другими вопросами, возникшими при введении новых норм в закон о несостоятельности (банкротстве), проблемным является и понимание категории подозрительных сделок. Что же законодатель понимает под подозрительной сделкой? Во-первых, согласно п. 1 ст. 61.2 закона о несостоятельности (банкротстве) подозрительной будет признаваться сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника

сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка). Во-вторых, подозрительной будет считаться сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, если она была совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления и в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту ее совершения (подозрительная сделка).

Поправки позволяют относить к категории подозрительных сделок как сами сделки в привычном для нас гражданско-правовом понимании, так и действия, совершаемые в рамках семейного, налогового, таможенного и трудового законодательств, а также действия, совершенные во исполнение судебных актов или правовых актов иных органов государственной власти. То есть стало возможным оспаривать практически любые правопорождающие действия в связи с тем, что они подозрительны. Такой позицией законодатель вмешивается в другие отрасли права. Однако можно признать, что при большой сложности банкротства другого выхода не имеется: банкротство – настолько экстраординарная процедура, что при некоторых обстоятельствах смешение понятий, вмешательство в другие отрасли права необходимо. Для того чтобы не нарушать единства практики, ликвидировать все противоречия в законодательстве, предстоит еще много работы, в том числе по внесению поправок в иные нормативные акты в целях соответствия их главе III.1.

Кроме того, очевидно, что круг сделок, обладающих признаками подозрительных, обширен, что не может в некоторых случаях не сказаться негативно на экономической деятельности организаций. В то же время можно сказать, что иной путь решения здесь вряд ли можно найти. Российское законодательство пока не знает механизма признания недействительными именно действий, а не сделок субъектов правоотношений. Сложилась ситуация, что у должников было много возможностей иным способом, кроме совершения сделок, вывести имущество из конкурсной массы. Поэтому и логично было «уравнять» сделки и иные правопорождающие действия субъектов в рассматриваемой главе III.1 закона о банкротстве.

Подозрительная сделка и свобода договора. При анализе ст. 61.2 закона о банкротстве встает вопрос о том, не противоречит ли п. 1 ст. 61.2 принципу свободы договора, обозначенному в Гражданском кодексе РФ в ст. 1, 421. Согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. То есть, если исходить из смысла предписания, данного в п. 1 ст. 61.2 закона о банкротстве, то стороны при заключении сделки в течение целого года до и после принятия заявления о признании банкротом должника должны предусматривать такие условия договора, чтобы встречные обязательства были равноценными. Поэтому, с одной стороны, свобода договора нарушается. Нарушается и положение п. 1 ст. 34 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. С другой же стороны, необходимо ограничивать свободу такой деятельности, если ее свободное совершение может нарушить права и интересы других участников правоотношений. Если имущество, передаваемое по подозрительной сделке, существенно больше по стоимости, чем полученное встречное обязательство, то можно утверждать, что совершаемые действия фактически являются дарением имущества должника другой стороне. В п. 1 ст. 61.2 закона о несостоятельности (банкротстве) говорится о «существенном» превышении стоимости переданного должником имущества или исполненного обязательства полученному встречному обязательству. Очевидно, что понимание «существенного» каждым субъектом права воспринимается по-разному, и для определения размера превышения указанной стоимости у каждого правоприменителя будет свой вариант ответа. Синонимами слова «существенно» являются слова «значительно», «заметно», «намного», которые также не вносят определенности. Такая позиция законодателя дает простор фантазии в определении такого размера судом, конкурсными управляющими и

иными субъектами, что в определенных случаях может повлиять на правильность принимаемых решений. При этом Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 года № 63 указанные положения закона не разъясняет и критерии существенности не устанавливает. Судебная практика в настоящее время не выработала определенных критериев определения существенного превышения стоимости. Введение в правоотношения оценочно-неопределенных категорий недопустимо, и целесообразнее было бы определить размеры такого превышения стоимости совершаемых встречных обязательств хотя бы в допустимых границах путем обозначения кратности суммы. Например, определить, что существенным превышением стоимости передаваемого имущества или иного исполнения обязательства должника над стоимостью встречного исполнения обязательства будет считаться трехкратное превышение стоимости.

Таким образом, цель законодателя ясна и действительно несет положительные стороны, защищая имущество кредиторов. Однако в правоприменительной деятельности необходимо чувствовать и соблюдать эту тонкую грань между свободой договора и необходимым в определенных случаях ее ограничением.

Презумпция виновности третьего лица. Статья 61.2 вводит два критерия признания сделки подозрительной и в дальнейшем недействительной – это объективный критерий (п. 1 ст. 61.2) и субъективный (п. 2 ст. 61.2). Как отмечается в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», объективный критерий неэффективен и создает возможности для недобросовестных участников оборота скорректировать необходимые доказательства еще до возбуждения дела. Доказательство же субъективного критерия очень затруднительно. Именно с этим пояснительная записка связывает введение презумпции виновности – действий с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов. При оспаривании сделок по субъективному критерию в целях упрощения доказательства прямого умысла вводится конструкция «совокупности доказательств» («badge of proofs»), предусматривающая, что умысел презюмируется.

Однако не противоречит ли такая позиция пункту 3 статьи 10 ГК, согласно которому «в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются»? Судя по всему, да. Как показывает судебная практика, невозможно или крайне затруднительно понять, каким образом суды в том или ином рассматриваемом деле признают лиц заинтересованными, знающими о цели ущемления интересов кредиторов и т. д., то есть приходят к выводу о том, что эти лица знали о цели должника и, соответственно, являются виновными лицами. Однако если ВАС РФ в данном им Постановлении от 23 декабря 2010 года № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» смог дать рекомендации по определению того, как нужно устанавливать, что другая сторона знала о противоправной цели должника, то почему бы и законодателю не пойти по такому же пути и не указать в законе четкие критерии определения виновности третьего лица – приобретателя по недействительной сделке. Очевидно, что это решило бы проблему.

Приобретатели по подозрительной сделке. Принятые новации могут негативно влиять на приобретателей имущества должника по сделкам, которые подпадают под категорию подозрительных и признаются в дальнейшем недействительными. Согласно п. 1 ст. 61.6 закона о банкротстве все, что было передано, а также изъято по сделке, признанной недействительной в соответствии с главой III.1, подлежит возврату в конкурсную массу. В случае невозможности возврата имущества в конкурсную массу в натуре приобретатель должен возместить действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки. То есть ничего не подозревающий контрагент должника-банкрота может совершить сделку, все приобретенное по которой ему впоследствии придется возвращать. При этом согласно ст. 61.5 закона о банкротстве оспаривание сделок

должника может осуществляться и в отношении наследников, а также в иных случаях универсального правопреемства в отношении лица, в интересах которого совершена оспариваемая сделка. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 года № 12-П, Постановлению Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 года № 14-П законодатель должен гарантировать, а правоприменитель – обеспечивать соблюдение баланса интересов при совершении процедуры банкротства. Однако о каком же балансе интересов можно говорить, например, в случае признания сделки недействительной и возвращения третьими лицами полученного по сделке в конкурсную массу? Мы имеем дело не с двусторонней реституцией, как было заложено в ГК РФ в качестве последствия признания сделки недействительной, а фактически с односторонней. Ведь в подавляющем большинстве случаев имущества должника не хватает для удовлетворения требований всех кредиторов, тем более кредиторов после третьей очереди – приобретателей, например, и в итоге получается, что при признании подозрительной сделки недействительной удовлетворенными оказываются только требования должника. При этом законодатель не выделяет приобретателей, которые действительно не знали, не предполагали о цели должника нанести вред кредиторам, отдельно от лиц, которые совершили недействительную сделку умышленно. Все по причине той же презумпции виновности лица.

Механизм защиты приобретателей после признания сделки недействительной, в том числе путем включения в очередь кредиторов после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, является не всегда гарантированным для таких лиц. После того как будут удовлетворены требования первой, второй и третьей очереди, размер имущества, составляющего конкурсную массу, либо уменьшается в разы, либо его совершенно не остается. Поэтому такой механизм защиты (если его вообще можно назвать защитой) интересов приобретателей по сделке неэффективен. Он не может выступать гарантом защиты прав, так как не может быть им в силу своей случайности. Разумеется, прежде всего должны удовлетворяться интересы лиц, отнесенных к первой, второй и третьей очередям, так как от удовлетворения требований этих категорий лиц зависят цель их профессиональной деятельности (как, например, вознаграждение для арбитражного управляющего), условия нормального существования (заработная плата лиц, работающих по трудовому договору), выполнение органами власти своих обязанностей (плата за коммунальные платежи), и так далее. Приобретатели также могут сильно пострадать от признания сделки недействительной, поскольку в результате возвращения приобретенного имущества нет гарантии возврата уплаченного по сделке, что может нанести вред интересам такого лица, в том числе и его платежеспособности.

Выход из этой ситуации крайне затруднителен, даже если он и есть. Необходимо выработать программу гарантий прав приобретателей по подозрительным сделкам. Очевидно, что на сегодняшний момент единственный путь решения – исключить из ст. 61.2 закона о банкротстве презюмирующие положения о недобросовестности третьего лица, которые идут вразрез со сложившимися в гражданском праве положениями о презумпции добросовестности, разумности участников гражданских правоотношений. Возможно, выработав четкие критерии определения виновности лиц, мы решим проблему с применением к приобретателям последствий недействительности сделки, которые по сути являются штрафной санкцией.

Жизнь не стоит на месте, развивается человек, вместе с ним – экономические, политические и иные отношения, государство и общество в целом. Законодательство должно быть гибким и чутким к изменениям, чтобы не отстать от реалий жизни. Глава III.1 закона о несостоятельности (банкротстве) внесла много нового в правоотношения участников по делам о банкротстве. Появились особые, пока присущие только для дел, касающихся процедуры признания лица несостоятельным (банкротом), основания признания сделки недействительной. Примечательно, что, введя новую категорию недействительных сделок, последствия, наступающие после признания ее недействительной, законодатель оставил общие, как для всех оспоримых и ничтожных сделок, установленных ГК РФ, но, разумеется, с некоторыми особенностями. Много обсуждений, не утихающих и в настоящее время, вызвали эти нововведения. Одними авторами они критикуются, другими, наоборот,

привечаются. Значит, затронутые отношения действительно требуют перемен, однако изменения должны быть понятны, корректны и направлены на соблюдение интересов всех участников таких отношений.

Некоторые неточности во внесенных главой III.1 поправках к закону о несостоятельности (банкротстве) затрудняют правоприменительную, судебную практику. По причине относительной свежести, новизны изменений судебная система еще не выработала общих прецедентов, единой политики по решению обозначенных в настоящей работе вопросов, на которые она могла бы опираться. Участники правоотношений из-за боязни совершить подозрительную сделку больше осторожничают, появилась боязнь риска. Разумеется, что через некоторое время такая практика выработается. Однако возникшие проблемы лежат настолько глубоко, что решать их надо не только на правоприменительном, но прежде всего на законодательном уровне.

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ, СТАДИИ, ЭЛЕМЕНТЫ

Проблема механизма реализации норм административного права связана с общей тенденцией усиления системной направленности административно-правовых исследований. Данное понятие, еще претендующее на то, чтобы стать научной категорией, имеет существенную научно-практическую ценность. Это выражается в первую очередь в том, что понятие механизма в управленческой деятельности предполагает анализ последовательно осуществляемых действий и операций по реализации юридических возможностей (дозволений) личности в сфере исполнительной власти. Например, действующее Законодательство Российской Федерации признает право гражданина на обращение в органы государственной власти или органы местного самоуправления, право на объединение в мирные союзы и ассоциации, на государственную защиту его прав и свобод, на судебную защиту[1]. Однако каким образом возникает право, в каком порядке и какие содержательные компоненты каждого из этих прав должны воплощаться в практическом поведении, как именно подлежит защите соответствующее право, – ответить на эти вопросы достаточно сложно, если не прибегать к помощи некоторых узловых понятий, к числу которых можно отнести механизм реализации норм административного права.

Во-вторых, если исходить из общесловарного значения термина «механизм», то он состоит из множества элементов, часть которых являются ведущими и обеспечивают движение других, «ведомых» элементов в определенном направлении согласованного функционирования системы в целом. Это свидетельствует о том, что термин «механизм» применительно к предмету административного права означает комплекс взаимосвязанных между собой правовых средств, позволяющих достичь эффективного государственно-управленческого воздействия на сознание, поведение и практическую деятельность граждан, организаций, органов и должностных лиц публичной власти, а именно: выполнить государственную целевую программу, осуществить комплекс намеченных мероприятий в определенной области социальной жизни, реализовать план действий на определенный период времени, наделить субъектов права конкретным объемом административно-правовой компетенции для решения поставленных задач и выполнения возложенных на них функций и т. п. Совокупность данных практически функционирующих элементов (субъектов; условий и пределов исполнительно-распорядительной деятельности; правовых средств, целей, задач, функций, полномочий, гарантий реализации, мер административно-правовой ответственности и т. д.) порождает теоретическое представление об определенном механизме реализации норм административного права.

В-третьих, особое значение механизм реализации административно-правовых норм, как и вообще механизм правореализации, приобретает в контексте его места в системе общенаучных понятий права. В значительном числе теоретических и отраслевых исследований этого понятия преобладает взгляд, в соответствии с которым данное понятие отождествляется с механизмом правового регулирования (МПР), поскольку стадии и компоненты механизма реализации права в трактовке многих ученых совпадают со стадиями и элементами МПР: нормы, правоотношения, акты применения права, акты реализации права. Такая ситуация, к сожалению, распространена и в современном административном праве. Вместе с тем, следует отметить, что механизм реализации норм административного права имеет самостоятельную ценность и не может сводиться к общему понятию о МПР. Напротив, он представляет собой более узкое, специализированное звено МПР, связывающее административно-правовые нормы через государственную и иную управленческую практику

[1] См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – П. 1. – Ст. 30, ст. 33; – П. 1. – Ст. 45. – П. 1. – Ст. 46 // СПС «КонсультантПлюс».

с социально значимыми потребностями и законными интересами граждан и организаций в сфере исполнительной власти. Вся последовательно развивающаяся при этом цепочка действий и операций субъектов по удовлетворению собственных потребностей и интересов в сфере государственного управления средствами преимущественно норм административного права подводит нас к понятию механизма реализации нормативных и институциональных требований административного права в соответствующих процедурно-процессуальных формах. Каждый из названных элементов (нормативных, организационных, процедурных, статических, динамических и т. п.) может играть основополагающую роль по сравнению с другими элементами. Однако не следует забывать, что оптимально рассматривать взаимодействие этих элементов, дополняющих друг друга в структуре предложенного механизма. При этом определенный элемент может выдвинуться на первый план, когда он в данный период времени наиболее востребован управленческой практикой и однозначно становится решающим элементом конструкции соответствующего механизма.

Если рассматривать подходы к определению механизмов правореализации в общей теории права, то необходимо назвать работы прежде всего Ю. С. Решетова и В. А. Сапуна.

Профессор Ю. С. Решетов считал, что элементами механизма правореализации выступают не правовые средства, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, а виды правомерной деятельности, поэтому структура механизма реализации права виделась автору в выделении трех компонентов: 1) целостного участка правомерного поведения, представляющего собой саморегулирование участниками реализации правовых норм своего поведения; 2) целостного участка правомерной деятельности субъектов, осуществляющих индивидуально-правовое регулирование; 3) целостного участка правомерного поведения участников индивидуально-регламентированных общественных отношений[1].

В отличие от приведенной точки зрения В. А. Сапун активно развивал инструментальный подход к правовым механизмам и теорию правовых средств. В результате его исследований механизм реализации права представляет собой особую правовую подсистему механизма правового регулирования, блок регулятивных и охранительных правовых средств различного уровня, при помощи которых объективное и субъективное право претворяются в жизнь, воплощаются в фактическом поведении и юридической деятельности субъектов. Это система правовых средств, использование которых в практической деятельности субъектов приводит к достижению определенных социальных результатов. В зависимости от степени интенсивности использования правовых средств автор выделял такие стадии и элементы механизма реализации права, как: фактическое правомерное поведение, правовая активность и правореализующая деятельность; в их рамках используются правовые средства разрешительного или дозволительного регулирования[2].

Размышления ученых о понятии механизма реализации права затронули и конституционно-правовую материю. В одной из работ А. С. Плетень рассматривает механизм правореализации как совокупность последовательно выполняемых действий по осуществлению субъективного конституционного права личности на получение бесплатной юридической помощи. Такие действия фактически выступают как стадии, из которых складывается соответствующий механизм: сбор документов, предоставление гражданином документов в адвокатское образование, рассмотрение документов, оказание юридической помощи гражданину, подтвердившему право на ее получение, определение размера вознаграждения адвокату, оказавшему бесплатную юридическую помощь, выплата адвокату вознаграждения[3].

---

[1] Решетов Ю. С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1980. – С. 118–119.

[2] Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – С. 5–20.

[3] Плетень А. С. Конституционное право на бесплатную юридическую помощь и механизм его реализации в современной России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. С. Плетень. – М., 2008. – С. 20.

О. Е. Калпинская анализирует механизм реализации права на образование как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих нормативных, организационных и инструментальных институтов, при помощи которых устанавливаются правила, регламентирующие поведение субъектов образовательной деятельности, определяются пути преодоления конфликтных ситуаций, возникающих в образовательном процессе, закрепляются меры и процедуры юридической ответственности за неисполнение и нарушение предписаний образовательного законодательства[1]. Иначе видит структуру конституционно-правового механизма обеспечения права на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья М. А. Егупова: институциональная и нормативная составляющие, методы обеспечительной деятельности, общие и специальные гарантии[2].

Дуализмом инструментального и деятельностного подходов отличается взгляд на правореализационные механизмы в рамках уголовного и уголовно-исполнительного прав. По мнению Е. Ю. Евстегнеевой механизм реализации норм уголовно-исполнительного права при исполнении лишения свободы заключается в основанной на уголовно-исполнительных правовых средствах целенаправленной деятельности субъектов уголовно-исполнительных правоотношений по реализации правовых норм, регулирующих лишение свободы, в рамках процедур их соблюдения, исполнения, использования и применения[3]. А. С. Литвинов дает определение механизма реализации уголовно-правовой нормы как совокупности средств и методов, непосредственно направленных на осуществление субъектами своих прав и обязанностей. В механизм реализации входят: уголовно-правовая норма, уголовно-правовые средства, действия должностных лиц и граждан в сфере уголовно-правового регулирования[4].

Наконец, если обращаться собственно к предмету исследования – механизму реализации норм административного права, то, как уже выше отмечалось, при анализе его стадий, элементов и функциональной роли зачастую оперируют терминологией учения С. С. Алексеева, впервые детально обосновавшего категорию МПР на общетеоретическом уровне[5]: нормы административного права, административное правоотношение, акты применения административного права, контроль и надзор в сфере административного права[6].

Между тем, данный подход представляется правильным лишь частично с точки зрения обоснования данного механизма как составной части механизма правового регулирования. В рамках механизма реализации норм административного права «нормативный» блок является автоматически включенным в процесс такой правореализации в качестве необходимого и достаточного юридического основания, но, как нам представляется, основное научное внимание должно быть сосредоточено на условиях, процессе и результатах самой реализации административно-правовых норм. В этой связи перечень стадий и элементов механизма реализации норм административного права может, по нашему мнению, выглядеть следующим образом:

1. Стадия формирования потребностей и законных интересов субъектов административного права, содержащая в качестве элементов соответствующие потребности, интересы и другие продукты рефлексивной и познавательной деятельности, что подготавливает основу

---

[1] Калпинская О. Е. Право на образование и механизм его реализации в системе МВД России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / О. Е. Калпинская. – СПб, 2005. – С. 9.

[2] Егупова М. А. Конституционно-правовой механизм обеспечения права на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья: автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. А. Егупова. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 9.

[3] Евстегнеева Е. Ю. Механизм реализации норм уголовно-исполнительного права, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е. Ю. Евстегнеева. – Рязань, 2008. – С. 10.

[4] Литвинов А. С. Механизм и формы реализации норм уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. С. Литвинов. – М., 2012. – С. 11.

[5] Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т., Т. 2. — М.: «Юридическая литература», 1982. – С. 9, 15–18.

[6] См.: Яскевич В. В. Административно-правовой механизм реализации прав граждан в сфере исполнительной власти. – М., 2005. – С. 109–122.

для возникновения, изменения и прекращения административных правоотношений в этой сфере.

2. Стадия возникновения и осуществления субъективных прав и юридических обязанностей граждан, должностных лиц и органов публичной власти в сфере исполнительно-распорядительной деятельности. Здесь речь непосредственно идет о реализации норм административного права в административных правоотношениях, зачастую порождаемых и сопровождаемых правоприменительными актами управления[1].

3. Стадия контроля и надзора за реализацией норм административного права, в рамках которых используются правосудие, прокурорский надзор и различные формы и способы защиты нарушенных прав, свобод человека и гражданина.

Выделение таких стадий представляется более логичным и оправданным, не сводящим механизм реализации норм административного права ко всей системе административно-правового регулирования, а описывающим его более узкий, специализированный «участок». Данный подход позволяет сосредоточить усилия на познании внутренних закономерностей осуществления исполнительной власти и прав личности в процессе государственного управления обществом. Рассмотрение выделенных нами выше стадий и элементов создает предпосылки для описания и оценки правореализационных процессов в сфере государственного управления на уровне подготовительной, основной и последующей стадий в механизме их реализации. При этом, думается, основными процессуальными формами реализации норм административного права по-прежнему остаются соблюдение, исполнение, использование и применение административно-правовых норм.

Стадия формирования потребностей и законных интересов субъектов административного права. Данная стадия практически не выделяется учеными-административистами, однако она важна для понимания того, что человек живет в нормативно урегулированном правовом пространстве, а потребность в той или иной реализации требований административного права возникает у него в связи с уже функционирующими его нормами. Вследствие этого необходимо понимать, что потребности и интересы, попадающие в сферу административно-правового регулирования, характеризуются социальной значимостью, а затем постепенно и юридической защищенностью, а именно возможностью реализовывать их в практических действиях лица и в некоторых случаях прибегнуть к помощи государственного принуждения для защиты возможности пользоваться определенным социальным благом[2]. Так потребность в законном проживании на территории Российского государства заставляет трудового мигранта искать правовые средства и способы ее удовлетворения, следовательно у него возникает законный интерес документально оформить свое проживание на территории Российской Федерации в установленные законом порядке и сроки.

Стадия возникновения и осуществления субъективных прав и юридических обязанностей граждан, должностных лиц и органов публичной власти в сфере исполнительно-распорядительной деятельности. Это основная стадия, на которой происходит реализация норм административного права в собственном смысле этого термина. В ряде случаев существует необходимость специально обеспечить реализацию этих норм в порядке правоприменительной управленческой деятельности. Как указано в широко известных научных источниках, потребность в правоприменении возникает в целом в двух типовых ситуациях: 1) при наличии «препятствия» на пути добровольной правореализации, выражающемся в конфликте, споре либо деле о правонарушении; 2) в случаях невозможности или затруднительности возникновения прав и обязанностей субъектов права иначе, чем путем издания

---

[1] Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. – М., 1979. – С. 3–25.

[2] См.: Малько А. В. Законные интересы советских граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Малько. – Саратов, 1985. – С. 10–14; Витрук Н. В. Система прав личности // Права личности в социалистическом обществе. – М., 1981. – С. 111; Кучинский В. А. Законные интересы личности: от Конституции к правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Советской Конституции. – М., 1978. – С. 78; Михайлов С. В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 86; Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М., 1986. – С. 75; и др.

конкретного правоприменительного акта[1], например, постановления местной администрации о выделении земельного участка для индивидуального жилищного строительства[2].

Стадия контроля и надзора за реализацией норм административного права, выделение которой также представляется не всем ученым ясным и однозначным: прежде всего обычно отрицают данную стадию теоретики права. Однако мы полагаем, что в науке административного права анализ этой стадии связан с понятиями управленческого процесса и управленческого цикла, когда процесс государственного руководства обществом приходит в завершающую фазу, на которой осуществляется оценка достигнутых в процессе государственного управления результатов, обобщаются итоги исполнительно-распорядительной деятельности по конкретным вопросам и проверяются законность, обоснованность, оперативность, эффективность, целесообразность принятия тех или иных управленческих решений. Выполнение этих задач максимально обеспечивают суды, прокуратура, правоохранительные и специальные контрольно-надзорные органы в системе исполнительной власти, чья деятельность по защите, охране и восстановлению нарушенных прав граждан и организаций повседневно заметна и актуально освещается в средствах массовой информации. Например, это могут быть вопросы защиты жилищных, пенсионных и других прав граждан в процессе прокурорского надзора.

Такова краткая стадийная и элементная характеристика механизма реализации норм административного права – понятия, стремящегося приобрести категориальный статус в аппарате науки административного права. Если аккумулировать наибольшее число взглядов на определение этого понятия, находящееся еще в стадии научного поиска, то рабочим определением может служить следующее. Механизм реализации норм административного права – это система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой нормативных, институциональных и процессуальных элементов, с помощью которых осуществляется и обеспечивается многообразная управленческая деятельность граждан, организаций, органов и должностных лиц государственной (муниципальной) публичной власти в целях решения конкретных управленческих задач с помощью возложенных на них (предоставленных им) функций, полномочий, прав и обязанностей.

---

[1] Правоприменение в Советском государстве. – М., 1985. – С. 18–23.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ. – Ст. 29, 30 // СПС «Гарант».

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ И ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

До настоящего времени нерешенной принципиальной юридической проблемой является вопрос о форме страхования профессиональной ответственности. Все ли виды страхования профессиональной ответственности должны носить обязательный/добровольный характер? Если не все, то какие следует признать обязательными, а какие добровольными? Возможно ли введение обязательного государственного страхования профессиональной ответственности? Указанные вопросы требуют разрешения на теоретическом уровне.

Согласно ст. 927 ГК РФ страхование признается добровольным, если осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования, заключаемых гражданином или юридическим лицом (страхователем) со страховой организацией (страховщиком), и обязательным, когда законом на указанных в нем лиц возлагается обязанность страховать в качестве страхователей жизнь, здоровье или имущество других лиц либо свою гражданскую ответственность перед другими лицами за свой счет или за счет заинтересованных лиц (обязательное страхование).

В соответствии со ст. 3 Закона об организации страхового дела добровольное страхование осуществляется на основании договора страхования и правил страхования, определяющих общие условия и порядок его осуществления. Условия и порядок осуществления обязательного страхования определяются федеральными законами о конкретных видах обязательного страхования.

Несмотря на схожесть представленных формулировок в указанных нормах содержатся определенные коллизии. Так, ГК РФ говорит об одном основании возникновения страхования профессиональной ответственности – договоре, тогда как Закон об организации страхового дела относит к основаниям возникновения добровольного страхования договор и правила страхования, а к основаниям возникновения обязательного страхования – закон.

В юридической литературе подход, изложенный законодателем относительно деления на формы в зависимости от основания возникновения страхования, критикуется.

В частности, Т. С. Мартьянова указывает, что проводимое «разграничение форм страховых обязательств по источнику их возникновения на добровольную и обязательную утратило в настоящее время смысл в связи с закреплением общего правила о создании как добровольного, так и обязательного страхования на основе договора»[1].

Однако в данном случае автор, как, впрочем, и законодатель, смешивает понятия «источник права» и «основания возникновения правоотношения страхования».

Под источником права в литературе понимаются: способы выражения юридических норм; средства познания права; объективные факторы материального характера, определяющие содержание правовых норм (система экономических отношений, формы собственности и т. п.); представления и воззрения известных ученых политико-правовой мысли о свободе и равенстве, правах и свободах личности, разделении властей и т. д.[2].

В свою очередь, основания возникновения правоотношения – это юридические факты, к числу которых, в частности, относятся договоры.

Таким образом, законодатель, говоря о законе и договоре как основаниях возникновения страхования, на самом деле должен говорить об источнике права – законе и основании возникновения правоотношений по страхованию – договоре. Следовательно, деление на

---

[1] См.: Гражданское право. Обязательственное право: Учебник: в 4 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, И. А. Зенин и др.; под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ВолтерсКлувер, 2008. – Т. 4. – С. 567.

[2] См.: Абдулаев М. И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Магистр-Пресс, 2004. – С. 45.

добровольное и обязательное страхование происходит не в зависимости от основания возникновения правоотношения, а в зависимости от источника возникновения права.

При этом возникновение правоотношений по страхованию из закона требует уточнения. Вполне обосновано мнение М. Я. Шиминовой о том, что при «подобном подходе не учитывается, что закон (норма объективного права) – это общая и обязательная предпосылка возникновения всех правоотношений, в том числе и данного вида»[1]. Более того, в соответствии со ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности могут возникать «из оснований, предусмотренных законом», которые называются юридическими фактами.

По мнению И. Ю. Цековой, основаниями возникновения обязательного страхования являются две категории юридических фактов: договорные и внедоговорные. В первом случае основанием возникновения правоотношения будет выступать договор обязательного страхования. Что касается внедоговорного обязательного страхования, то основанием его возникновения является не договор, а наступление определенных фактов, предусмотренных в законе[2].

Данная точка зрения заслуживает самого пристального внимания. Однако следует уточнить, что и в случае возникновения обязательного, как автор его называет, внедоговорного страхования основанием возникновения правоотношений все же будет являться договор. Но в этом случае договор – это не единственное основание возникновения. Здесь имеет место сложный юридический состав.

Например, основаниями возникновения обязательств по обязательному страхованию профессиональной ответственности адвоката будут выступать: договор возмездного оказания адвокатских услуг, заключенный между адвокатом и заказчиком услуг; договор страхования профессиональной ответственности, заключенный адвокатом и страховой компанией; наличие профессиональной ошибки, которая привела к наступлению убытков/ущерба у заказчика.

Если речь идет об обязательном государственном страховании, то основанием его возникновения также будет являться сложный юридический состав. Однако отличием от предыдущего вида является то, что в ряде случаев не требуется заключение договора страхования (например, такое правило предусмотрено в Федеральном законе от 10 января 1996 года № 5-ФЗ «О внешней разведке»)[3]. Тем не менее основанием возникновения страхового правоотношения будет юридический состав: служба в разведке РФ, наличие причиненного в результате этого вреда.

Юридические факты, с которыми закон связывает возникновение отношений по страхованию, должны быть строго предусмотрены в законе.

Помимо рассмотренного деления на формы страхования в зависимости от основания возникновения в научной литературе традиционно сложилось несколько позиций относительно выделения добровольного и обязательного страхования.

Ряд авторов полагает, что в добровольном страховании лицо самостоятельно решает вопрос о целесообразности заключения со страховой организацией договора. В обязательном страховании государство либо обязывает гражданина или юридическое лицо заключить договор страхования, либо самостоятельно в лице уполномоченных органов заключает договоры страхования в пользу застрахованных лиц, волеизъявления которых в отношении страхования не требуется[4].

Таким образом, в основу представленной позиции деления страхования на добровольное и обязательное заложено наличие добровольного волеизъявления на заключение договора.

---

[1] См.: Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам. Гражданско-правовое регулирование. – М., 1979. – С. 96.

[2] См.: Цекова И. Ю. К вопросу о юридической природе договора страхования // Право и политика. – 2007. – № 4. – С. 78.

[3] О внешней разведке: Федеральный закон от 10 января 1996 года № 5-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 143.

[4] См.: Гражданское право: Учебник / В. Ю. Борисов, Е. С. Гетман, О. В. Гутников и др.; под ред. О. Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2007. – Т. 2. – С. 342; Ширипов Д. В. Страховое право: учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2008. – С. 67.

Следовательно, данная позиция отличается от законодательной, в основу которой положено деление на формы страхования в зависимости от основания – закона или договора.

Другие ученые полагают, что в добровольном страховании, причиненный ущерб затрагивает имущественные интересы ограниченного круга лиц и в целом не отражается на общественных и государственных интересах. Тогда как обязательное страхование имеет одну из целей защиту общественных интересов, так как предусматривает страхование в особо значимых отраслях либо видах деятельности, которые имеют ключевое значение для развития экономики страны[1].

Безусловно, данная точка зрения заслуживает пристального внимания. В основе деления здесь заложены цели страхования. При этом абсолютно справедливо обращено внимание на тот момент, что обязательное страхование имеет одной из целей защиту общественных интересов и вводится в особо значимых отраслях.

Сопоставление признаков обязательного страхования с признаками страхования профессиональной ответственности (наличие особого субъекта, указанного в законе; наличие общественного значения (ценность) профессиональной деятельности и возможность правовой оценки ее результата; особый объект страховой защиты; предусмотренный в законе сложный юридический состав как основание возникновения страхового обязательства) показало идентичность ряда признаков, что позволяет нам утверждать о возможности отнесения страхования профессиональной ответственности к обязательному страхованию.

Учитывая то, что одной из причин обязательного страхования является повышенный риск в определенной сфере деятельности (мы установили в предыдущем параграфе, что профессиональная ошибка напрямую связана с человеческим фактором), а также то, что причинение вреда/убытков по времени, как правило, значительно отсрочено от совершения профессиональной ошибки, и учитывая в связи с этим трудности применения деликтно-правового способа защиты прав пострадавших от профессиональной ошибки (особенно сложности доказывания причинно-следственной связи), полагаем, что гарантией реализации интересов должно стать обязательное страхование профессиональной ответственности отдельных видов деятельности.

При этом обязательное страхование профессиональной ответственности должно вводиться в особо значимых отраслях либо видах деятельности, которые имеют ключевое значение для развития экономики страны и защиты прав и интересов граждан Российской Федерации.

Вследствие этого представляется, что вводить обязательное негосударственное страхование всех видов профессий в настоящее время является нецелесообразным. В то же время необходимо выделять профессии, в рамках выполнения функций которых существует достаточно большой риск причинения вреда жизни и здоровью граждан.

Нами предлагается предусмотреть обязательное негосударственное страхование профессиональной деятельности лиц, чья деятельность связана с риском причинения вреда жизни и здоровью, умалению нематериальных благ (медицинские работники, в том числе при проведении клинических исследований лекарственных средств, строители, инженеры, проектировщики, судьи, адвокаты и т. д.). Если данная деятельность связана также с возможностью причинения имущественного вреда, то происходит комплексное страхование, которое также должно являться обязательным (строители, инженеры, проектировщики, адвокаты и т. д.).

Страхование риска причинения материального вреда должно являться обязательным, если прямо или косвенно затрагиваются публичные интересы (нотариусы, адвокаты, судьи и т. д.).

В остальных случаях страхование должно быть добровольным.

---

[1] См.: Гражданское право: Учебник / В. Ю. Борисов, Е. С. Гетман, О. В. Гутников и др.; под ред. О. Н. Садикова. – С. 567.

И. А. Остапенко

ПРИНЦИПЫ ДОГОВОРНОГО ПРАВА, ВОПЛОЩЕННЫЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ДОГОВОРЕ

Договоры, заключаемые в сфере действия административного права, отвечают ряду признаков, присущих договорным актам: добровольность заключения в результате свободного волеизъявления, согласованная воля сторон, их формальное равенство, автономия воли, обязательность условий договора. В связи с этим представляет определенный интерес исследование вопросов отражения принципов договорного права в административном законодательстве и, как следствие, их практическое осуществление при заключении административного договора.

Сами по себе принципы права – это основные, центральные идеи правового урегулирования. Принципы договорного права получили разработку в гражданско-правовой науке[1]. Расширение возможностей договорного регулирования в сфере административных отношений позволяет взглянуть на исследуемые принципы с учетом современных тенденций развития административного права в целом и административного договора в частности.

В Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим договорные правоотношения в частном праве, является Гражданский кодекс РФ[2], а именно подразделы 1 и 2 раздела 3 ГК РФ и главы части второй ГК РФ, посвященные регулированию отдельных видов обязательств. Анализируя соответствующие обязательственные правоотношения, большинство цивилистов выделяет следующие принципы, присущие договорам частноправового характера:

– добровольность соглашения сторон, основанного на их свободном волеизъявлении; стороны не могут быть принуждены к заключению договора, за исключением случаев, когда обязанность такого заключения предусмотрена Гражданским кодексом, законом или добровольно принятым обязательством (п. 1 ст. 421 ГК РФ);

– равенство сторон, не допускающее ущемление интересов какой-либо одной стороны (п. 1 ст. 1 ГК РФ);

– согласие сторон по всем существенным условиям договора; согласно ст. 421 ГК РФ все условия договора определяются по усмотрению сторон; условия договора могут быть предусмотрены нормой закона, если соглашение сторон не устанавливает иное; стороны могут своим соглашением исключить применение такой нормы (она называется диспозитивной) или установить условие, отличное от установленного в ней;

– эквивалентный, возмездный характер заключаемого договора;

– взаимная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее выполнение принятых на себя обязательств;

– законодательное обеспечение договоров, придающее им юридическую силу, которое определяет договорное поле и возможные виды договоров, процедуры их заключения и исполнения.

Проанализируем присутствие указанных принципов договорного права в рамках заключаемого и исполняемого административного договора.

Свободное и добровольное волеизъявление сторон договора является важнейшим принципом договорного права. Применительно к административному договору наличие права и/или обязанности заключить административный договор стоит рассматривать через

---

[1] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – М., 2001. – С. 19, 78, 147–153; Щетинкина М. Ю. Реализация и ограничение действия принципа свободы договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Ю. Щетинкина. – М., 2009.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

автономию воли сторон изучаемого нами соглашения. Свобода вступать или не вступать в административно-договорные отношения здесь не носит характера абсолютного принципа, как это имеет место в частном праве, ведь зачастую заключение административных договоров – это не только право, но и обязанность соответствующих субъектов права[1]. На сегодняшний день субъекты права (граждане и организации) свободны в заключении административного договора, ни один из субъектов административного договора не обязан против своей воли вступать в договорные отношения. Государство в лице своих органов не может принудить другого субъекта к заключению административного договора, за исключением случаев, когда хозяйствующий субъект обязан в силу закона заключить административный договор (субъекты естественных монополий, казенные предприятия). Государство не может вмешиваться в договорные отношения между участниками договора, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством. Поэтому административный договор – это двусторонний акт, который определяется двумя действующими лицами: с одной стороны, это лицо, обладающее свободой заключения договоров (гражданин), а с другой стороны, ему противостоит лицо, обладающее ограниченной свободой на заключение договора (субъект публичного управления), связанное правовыми предписаниями. В ряде областей управленческой деятельности административный орган должен быть лишен права заключения административных договоров, поскольку применительно к таким областям он не должен делать предметом переговоров исключительные полномочия, возложенные на него законодательством (охрана порядка, налогообложение и т. д.).

Равенство сторон административного договора. Применимость данного принципа для административного договора носит дискуссионный характер на протяжении продолжительного отрезка времени.

Так, в соответствии с п. 1. ст. 1 ГК РФ гражданско-правовой договор представляет собой соглашение между равными друг другу субъектами гражданского права. В частном праве господствует постулат о том, что между сторонами наличие отношения власти и подчинения в принципе исключает возможность применения не только гражданского законодательства, но и самой договорной конструкции. Договор может существовать между субъектами, которые в данном конкретном случае занимают равное положение. Действительно, как можно заключить договор с лицом, которое обладает правом давать властные распоряжения относительно его предмета другой стороне договора? В этом случае теряется смысл договора как соглашения сторон, поскольку сторона, обладающая властными полномочиями, имеет все возможности для навязывания своей воли подчиненной стороне, мнение которой будет лишь учитываться при его заключении. Такая юридическая конструкция по своей сути будет завуалированной формой приказа. Таким образом, если вести речь о том, что административный договор должен опираться на общие принципы договора, нужно также иметь в виду необходимость соблюдения принципа равенства сторон этого договора[2], в связи с чем сфера любых договорных отношений, в том числе административных, должна основываться на равноправии сторон, а административный договор имеет все основания для практического применения при условии, что стороны будут обладать равными правами в нем[3].

В то же время гражданин, заключающий административный договор, иногда делает уступки публичному управлению и претерпевает определенные ограничения (контроль со стороны органа управления за процессом выполнения договора, повышенные штрафные санкции и т. д.), если это ему представляется целесообразным, что в результате приводит к расширению границ публичного управления, публичный интерес проникает в частную сферу. В свою очередь, граждане и коммерческие лица, заключая административный договор, косвенно реализуют функции государственного управления, приобретают

[1] Старосьцяк Е. Правовые формы административной деятельности. – М., 1959. – С. 268, 278.

[2] Дорохоин С. В. Деление права на публичное и частное. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 111–112.

[3] Манохин В. М. Хозяйственное обслуживание организаций и граждан. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 149.

определенные льготы, в качестве контрагента приобретают более надежного партнера. Оба фактора – правовые обязательства органов публичного управления и свобода заключения договоров со стороны граждан – должны учитываться в практике административно-правовых договоров и приводиться в соответствие друг с другом.

Все вышеуказанное должно свидетельствовать о том, что в административно-договорных правоотношениях наблюдается не отход от принципа «власть – подчинение», свойственного публичным отраслям права, а дополнение его принципом формального равенства сторон в договоре. Формальное равенство должно реализовываться не только на стадии возникновения правоотношения (заключения договора), но и при его исполнении, внесении изменений в договор или прекращении его действия. Думается, что мнение о неравенстве сторон в административном договоре объясняется отжившими представлениями об административных отношениях исключительно как об отношениях власти – подчинения, ведь ранее сама мысль о возможности возникновения административных отношений между равноправными субъектами казалась нереальной, хотя в свое время Г. И. Петров[1] убедительно доказывал существование горизонтальных административно-правовых отношений между равноправными субъектами.

Кроме того, правовая природа административного договора предполагает, что орган исполнительной власти, заключивший административный договор, правомочен контролировать его исполнение, знакомиться с содержанием всех документов, проверять деятельность администрации организации либо учреждения, вступившего в договорные отношения. Способы осуществления контрольных функций должны быть установлены в законе или непосредственно оговорены в самом договоре.

Свобода сторон административного договора в определении его условий ограничена в большей степени по сравнению с гражданско-правовыми соглашениями. Административному договору присущи зарегулированность, формализованность. Здесь дает о себе знать публично-правовая природа административного права. Так, для административного договора законом или иным нормативно-правовым актом изначально может быть определен ряд существенных условий административного договора. Для административного договора существенными условиями являются: предмет договора; срок, на который заключается договор; цель договора; прерогативные полномочия властного контрагента; условия принятия результата надлежаще исполненного административного договора; ответственность за невыполнение условий договора; процедура возможного аннулирования договора.

Такие условия в административном договоре могут быть уже заранее определены нормативными актами, и стороны не вправе их изменить.

Неизменность условий договора является основным принципом договорного права. В нем проявляется известное со времен римского права требование: договоры должны исполняться. Такое требование обеспечивает стабильность договорных отношений, а в нашем случае – стабильность административных правоотношений.

Жесткость этого запрета смягчается тем, что возможны исключения из данного правила.

Во-первых, изменение условий административного договора может иметь место по соглашению сторон при изменении обстоятельств, предвидя которые стороны вообще бы не заключили административный договор.

Во-вторых, без согласия сторон (стороны) возможно изменение условий договора в исключительных случаях, при чрезвычайных обстоятельствах. Здесь имеются в виду прерогативные полномочия органа исполнительной власти либо на основании распоряжения вышестоящего органа исполнительной власти, либо на основе изданного нормативного акта, отменяющего или изменяющего конкретные виды уже заключенных административных договоров.

---

[1] См.: Петров Г. И. Сущность советского административного права. – Л., 1969. – С. 80.

В-третьих, самим законодателем могут быть установлены возможные варианты изменения в дальнейшем конкретных условий для конкретного вида административного договора.

Обязательность условий договора в административном договоре проявляется в том, что отсутствие соглашения сторон по существенным условиям гражданско-правового договора означает, что стороны не заключили между собой договор. В административном праве договор заключается с целью индивидуализации общей административной нормы, налагающей публичную обязанность. Отсутствие в административном договоре соглашения по какому-либо из условий, определяющих права и обязанности сторон административного договора, означает, что указанный договор не был заключен и в отношениях между его сторонами действует общая норма административного права. Кроме того, возможная мера поведения сторон, да и возможность формировать условия договора по своему усмотрению более ограничены по сравнению с классическими договорами гражданского права.

Свобода выбора вида договора, характерная для гражданского права, не свойственна административному договору, так как конкретным нормативным актом[1] устанавливается возможность заключения конкретного вида административного договора. Орган исполнительной власти при наделении его соответствующей компетенцией вправе выбрать только способ урегулирования общественных отношений при помощи издаваемого административного акта либо при помощи административного договора.

Эквивалентный, возмездный характер заключаемого договора. Заключая административный договор и вступая в административные правоотношения, государственно-властный контрагент должен абстрагироваться от какой-либо собственной выгоды, реализуя общественные, публичные цели. В связи с этим ряд авторов отмечает, что административные договоры являются безвозмездными, носят нетоварный характер. Однако присущая договорному процессу эквивалентность так или иначе сохраняется и здесь, поскольку договор всегда предполагает взаимные обязательства и взаимную выгоду. «Возмездность» здесь заменяется более широким понятием «эквивалентность»[2]. Под эквивалентностью, на наш взгляд, стоит понимать осуществление постоянных управленческих функций органа исполнительной власти либо выполнение временной функции управления, возложенной на орган исполнительной власти, достижение общесоциального блага. Для невластной стороны это выдача кредита на льготных условиях, предоставление какого-либо имущества из государственной собственности, налоговые льготы, целевые дотации, субсидии и т. д.

Взаимная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее выполнение принятых на себя обязательств. При неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по административному договору невластной стороной договорных отношений орган исполнительной власти вправе расторгнуть его в одностороннем порядке и применить к виновной стороне предусмотренные договором санкции. Санкции, которые органы управления вправе применять в отношении своего партнера по договору, сводятся к следующим мерам:

– имущественные санкции: в случае задержки исполнения договора орган управления может возложить на контрагента заранее предусмотренную в договоре ответственность в виде возмещения причиненного ущерба и/или применить санкции в виде выплаты процентов (неустойки);

– лишение специальных налоговых льгот, выданной лицензии;

– финансовые санкции: в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения партнером своих обязательств по договору орган управления может взять на себя

---

[1] См.: Остапенко И. А. Элементы административного договора в Законодательстве Российской Федерации // Мы и право: научно-практический журнал. – Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права. – Волгоград, 2011. – № 2 (11); Элементы административного договора в региональном законодательстве // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – Волгоград, 2011. – № 4 (17).

[2] Демин А. В. Общие вопросы теории административного договора. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1998. – С. 39.

исполнение договора либо возложить или привлечь другого контрагента для исполнения условий уже заключенного административного договора, возлагая в то же время на своего партнера понесенные траты, связанные с исполнением договора;

– расторжение договора (аннулирование договора возможно лишь в случае серьезных недостатков или правонарушений в действиях партнера).

Если орган исполнительной власти расторгает договор по собственной инициативе, а не из-за виновных действий другой стороны, другая сторона имеет право только на определенное «финансовое равновесие», то есть на возмещение своих прямых убытков.

При неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по административному договору властной стороной договорных отношений орган исполнительной власти или должностное лицо также несет предусмотренную законодательством юридическую ответственность.

Законодательное обеспечение договоров, придающее им юридическую силу и определяющее договорное поле и возможные виды договоров, а также процедуры их заключения и исполнения. Административный договор может заключаться непосредственно на основе норм действующего законодательства либо на основе нормативных и индивидуальных административных актов.

Кроме того, административный договор – комплексное по своей юридической природе соглашение, включающее в себя элементы как гражданско-правовых договоров, так и иных публичных договоров. Административный договор может содержать элементы различных отраслей права, но цель договора должна явно свидетельствовать о том, что это договор, не преследующий частный интерес конкретного лица. Сам договор носит управленческий характер, направлен на всеобщую выгоду и не носит персонифицированного характера для удовлетворения потребностей сторон.

В качестве специфического принципа, присущего административному договору, стоит рассматривать принцип *сочетания частных и публичных интересов в административном договоре.* В административном договоре сочетаются частные и публичные начала, которые взаимосвязаны между собой. Отсутствие частноправовых начал в административном договоре неизбежно приведет к тому, что такой правовой акт перестанет быть договором и по своей сути будет являться завуалированным актом органа исполнительной власти, а отсутствие публично-правовых начал позволит говорить о том, что такой договор заключен не в общеполезных и общесоциальных целях, а исключительно для удовлетворения имущественных интересов сторон

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что административный договор отвечает всем принципам договорного права за редким исключениями, что обусловлено публично-правовой природой такого соглашения. В целом же при возможности соблюдения вышеуказанных принципов существует определенная возможность применения договорной конструкции в любых сферах общественных отношений, будь то гражданские, трудовые, конституционные, административные и другие правоотношения. При этом существующие договоры независимо от своей отраслевой принадлежности обладают как некоторыми схожими чертами, вытекающими из общих принципов договорного регулирования, так и особыми признаками, обусловленными их отраслевой спецификой.

Е. Ю. Федосеев

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ СДЕЛКИ. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Экстраординарными сделками, согласно современному пониманию, являются сделки, выходящие за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Определение разграничения обычной хозяйственной деятельности и сделок, выходящих за ее пределы, имеет как теоретическое, так и практическое значение, немаловажным это разграничение является для верного выбора источников правового регулирования отношений. По мнению В. В. Долинской, «в рамках обычной хозяйственной деятельности источником общего правового регулирования являются нормы общегражданского законодательства, а нормы акционерного и т. п. законодательства применяются субсидиарно. При регулировании совершения сделок, выходящих за пределы обычной хозяйственной деятельности, как специальные применяются нормы акционерного права, антимонопольного законодательства, законодательства в конкретных сферах деятельности, а затем субсидиарно нормы ГК о сделках и их недействительности[1]».

Из определения крупной сделки следует, что таковой не является сделка, совершаемая в процессе обычной хозяйственной деятельности. Но что означает термин «обычная хозяйственная деятельность», в законодательстве не определяется. Некоторую ясность вносит Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 года № 19, в котором разъясняется, что «к сделкам, совершаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности, могут относиться, в частности, сделки по приобретению обществом сырья и материалов, необходимых для осуществления производственно-хозяйственной деятельности, реализации готовой продукции, получению кредитов для оплаты текущих операций (например, на приобретение оптовых партий товаров для последующей реализации их путем розничной продажи)»[2]. Но вряд ли можно признать данное разъяснение исчерпывающим, так как данное определение дается в рамках производственной сферы, игнорируя сделки, совершаемые торговыми, финансовыми организациями, которые занимаются непроизводственными видами деятельности.

Судебная практика дает основания о выделении примерного перечня сделок, относящихся к обычной хозяйственной деятельности:

– сделки по приобретению обществом сырья и материалов, которые необходимы для осуществления производственно-хозяйственной деятельности, реализации готовой продукции, а также сделки по получению кредитов для оплаты текущих операций (например, на приобретение оптовых партий товаров для последующей реализации их путем розничной продажи) являются обычной хозяйственной деятельностью общества;

– обычной хозяйственной деятельностью общества является совершение сделок, предусмотренных уставом;

– сделками, совершенными в рамках обычной хозяйственной деятельности, признаются сделки, которые направлены на обеспечение текущей хозяйственной деятельности и носят систематический характер;

– сделки, направленные на осуществление основного вида деятельности общества, признаются совершенными в процессе обычной хозяйственной деятельности общества;

– дополнительными критериями отнесения сделки к обычной хозяйственной деятельности общества могут являться неоднократность совершения аналогичных сделок либо намерение заключать их на постоянной основе в будущем, а также цена сделки, которая

---

[1] Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. – М., 2006. – С. 126.

[2] О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»: Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 года № 19 // «Вестник ВАС РФ». – № 1. – 2004.

должна быть сопоставима с рыночной стоимостью аналогичного товара либо с ценой аналогичных сделок, заключенных обществом[1].

Согласно приведенным критериям, можно заметить единую правовую позицию судов относительно обычной хозяйственной деятельности, так как используемые понятия «систематичность», «текущая хозяйственная деятельность», «деятельность, предусмотренная уставом», по сути являются в данном контексте синонимами и их можно объединить понятием «основной вид деятельности общества», с которым суды связывают обычную хозяйственную деятельность.

Но простого перечня таких сделок очевидно недостаточно, так как ввиду разнообразия жизни и многообразия предпринимательской деятельности подобный список может быть просто бесконечным. Для понимания и удобства необходима систематизация, а также определение критериев сделок, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности.

В. Ю. Бакшинскас разделяет сделки, относящиеся к обычной хозяйственной деятельности, на две группы: к первой относятся сделки, непосредственно заключаемые в ходе деятельности общества, ко второй – сделки, которые сопутствуют хозяйственной деятельности. Большую часть сопутствующих сделок составляют кредитные, и если целью такой сделки является получение кредита для приобретения сырья, то ее можно отнести к обычной хозяйственной деятельности[2].

О разделении сделок на две группы говорит и Д. В. Ломакин. Также Дмитрий Владимирович рекомендует применять понятие «обычной» хозяйственной деятельности по отношению к деятельности конкретного общества. «По общему правилу хозяйственное общество как разновидность коммерческой организации обладает общей правоспособностью и может осуществлять любые виды деятельности, не запрещенные законом[3]. Однако обычными для конкретного общества будут далеко не все виды деятельности, которыми оно вправе заниматься. Вряд ли можно признать в качестве сделки, совершаемой в процессе осуществления обычной хозяйственной деятельности, сделку общества, изготовляющего какую-либо продукцию, по отчуждению принадлежащих ему сооружений, необходимых для осуществления производственного процесса. Такая сделка не только не связана с обычной хозяйственной деятельностью общества, но и может сделать невозможным осуществление самой этой деятельности».

К сделкам, заключаемым в процессе обычной хозяйственной деятельности финансовых организаций, в силу их специфики согласно судебной практике относятся: договор финансирования под уступку денежного требования, договоры займа, поручительства, доверительного управления имуществом, трудовой договор, договор подряда, договор с рекламным агентом, договор аренды помещения, договоры по оплате коммунальных услуг и канцелярских принадлежностей[4].

Полагаем, что приведенное толкование обычной хозяйственной деятельности финансовых организаций является обоснованным.

Разумно, что при определении сделок, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности, как для хозяйственных обществ, так и для финансовых организаций, включая банки, лизинговые, страховые компании, суды руководствуются аналогичными критериями: систематичность, основной вид деятельности, текущая хозяйственная деятельность.

Таким образом, проанализировав приведенные выше критерии и объединив высказанные суждения, можно сделать вывод, что обычной хозяйственной деятельностью является

---

[1] По делу № А55-29383/2012: Постановление ФАС Поволжского округа от 28 августа 2013 года // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. – М., 2011. – С. 841–842.

[3] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – ст. 49, п. 1, абз. 2.

[4] Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте // Российская академия юридических наук. Науч. труды. № 1 (том 1), 2001. – М., 2001.– С. 529.

деятельность, совершаемая обществом систематически в процессе текущей хозяйственной деятельности и приносящая обществу постоянный доход.

Следует отметить, что если крупная сделка, формально подпадающая под критерий крупной, совершается в процессе обычной хозяйственной деятельности, то одобрения она не требует. В отношении сделок с заинтересованностью ситуация иная. В Федеральном законе от 13 июня 1996 года № 65-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года «об акционерных обществах») указывается возможность принятия решения об одобрении сделки, которая будет заключена в будущем и в совершении которой имеется заинтересованность общего собрания акционеров, но при этом законодатель подчеркивает, что должна быть указана предельная сумма, на которую может быть совершена такая сделка[1].

В определении крупной сделки встречается понятие «взаимосвязанных сделок». Но в законодательстве оно, к сожалению, не раскрывается, и, как правильно заметил Г. Е. Авилов, «в конечном счете только при рассмотрении конкретного дела суд может ответить на вопрос, следует ли определенные сделки считать взаимосвязанными или нет»[2]. Таким образом, принятие решения остается за судом.

В научной литературе высказываются свои точки зрения по этому поводу. А. А. Маковская утверждает, что взаимосвязанность может быть обусловлена как объективными, так и субъективными причинами. «Взаимосвязанность заключаемых акционерным обществом сделок, по-видимому, может носить объективный характер и выражаться в обусловленности заключения обществом одной сделки заключением им ранее или одновременно другой сделки. Примером подобных взаимосвязанных сделок могут служить сделки, подпадающие под действие ст. 84.1 ФЗ «Об акционерных обществах». В соответствии с правилами этой статьи акционерное общество, приобретшее самостоятельно или совместно со своим аффилированным лицом (лицами) 30 и более процентов размещенных обыкновенных акций другого общества с числом акционеров – владельцев обыкновенных акций более 1000, обязано предложить всем акционерам этого акционерного общества продать ему принадлежащие им обыкновенные акции общества и эмиссионные ценные бумаги, конвертируемые в обыкновенные акции, по рыночной цене, и в случае их согласия приобрести у них эти акции.

Взаимозависимость сделок может быть вызвана и причинами субъективного характера и выражаться в наличии у акционерного общества, заключающего сделки, некой одной общей цели, достичь которой оно стремится посредством таких сделок»[3].

Данную точку зрения считаем справедливой, так как действительно следует различать ситуации, когда общество вынуждено признать сделки взаимосвязанными в силу фактических обстоятельств, или же оно само решает определить несколько сделок таковыми.

Как говорилось выше, определения взаимосвязанности сделок отсутствует в законодательстве, но Д. В. Ломакин, пытаясь выявить критерии определения взаимосвязанности на примере отчуждения генеральным директором акционерного общества всех акций другого АО, принадлежащих первому обществу на праве собственности, называет три основания взаимосвязанности: во-первых, совпадение оснований сделок, во-вторых, помимо прекращения права собственности первого АО на акции происходит потеря им статуса акционера, в-третьих, предметом сделки является однородное имущество[4].

Сложилась определенная правовая позиция и в судебной практике. Проанализировав судебные акты, можно сделать вывод, что взаимосвязанными признаются сделки, соответствующие следующим условиям:

---

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 13 июня 1996 года № 65-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года «об акционерных обществах») // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах»: Изд. 2-е. – М., 2000. – С. 218.

[3] Маковская А. А. Взаимосвязанные сделки // ЭЖ-Юрист. – 2004. – № 36.

[4] Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте // Российская академия юридических наук. Науч. труды. – № 1 (том 1). – М., 2001. – С. 529.

1. Если при заключении сделок преследовалась единая хозяйственная цель.
2. Если сделки направлены на достижение единых правовых последствий.
3. Если сделки имеют однородный предмет, совершены в непродолжительный период времени и при их заключении преследуется единая цель.
4. Если сторонами сделки являются одни и те же лица, сделки имеют одно целевое назначение, совершены в один день.
5. Если сделки совершены в течение непродолжительного периода времени; сторонами являются одни и те же лица; имущество, отчуждаемое по сделкам, составляет единый технологический комплекс.

Этот список не является исчерпывающим, к тому же в практике, как правило, встречается совокупность нескольких критериев. Интересно, что первый критерий (преследование единой хозяйственной цели) встречается чаще других, из чего можно сделать вывод, что он является главным, определяющим, другие же – дополнительными к нему. Вероятно, именно поэтому взаимосвязанность сделок остается на усмотрение суда, так как невозможно определить, зафиксировать общее понятие «единой хозяйственной цели», и в каждом конкретном случае суд должен по собственному усмотрению определять, была ли цель единой.

Несмотря на то, что создание корпорации глобально предполагает наличие у всех ее участников общей конечной цели, обусловленной успешной деятельностью общества, это вовсе не означает, что все они имеют одинаковые интересы. Так, миноритарным акционерам интересен размер дивидендов, крупным акционерам важно развитие и укрупнение своего бизнеса. Сталкивающиеся интересы приводят к возникновению конфликта. Неразрешимые системные конфликты интересов наносят существенный вред как самому обществу, так и его участникам. Осложняется положение также и тем, что зачастую конфликтам интересов в корпорации присуща высокая степень латентности, что значительно усложняет их своевременное обнаружение и эффективное разрешение. Существование корпорации без конфликтов вряд ли представляется возможным. Как верно отметил Д. В. Ломакин, «устранение конфликта интересов возможно только путем устранения конфликтующей стороны»[1], что, по нашему мнению, является крайней мерой разрешения конфликта. Тем не менее в первую очередь необходимо производить действия, направленные на выявление конфликтов и причин их возникновения, чтобы в дальнейшем минимизировать неблагоприятные последствия.

Определение конфликта интересов неоднократно встречается в действующем законодательстве. Так, о конфликте интересов говорится в п. 1 ст. 27 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ (ред. от 21 февраля 2014 года) «О некоммерческих организациях», в п. 1 ст. 36.24 Федерального закона от 7 июля 1998 года № 75-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 года) «О негосударственных пенсионных фондах», в п. 3 ст. 8 Федерального закона от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ (ред. от 25 июня 2012 года) «О саморегулируемых организациях», п. 2 ст. 16 Федерального закона от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 года) «О кредитной кооперации», в п. 1 ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 22 октября 2013 года) «О государственной гражданской службе Российской Федерации», п. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года) «О противодействии коррупции»[2].

В литературе также существуют определения конфликта интересов. Д. И. Дедов понимает под конфликтом интересов «противоречие между интересами, которые защищены

---

[1] Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М., 2008. – С. 143.

[2] О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ (ред. от 21 февраля 2014 года); О негосударственных пенсионных фондах: Федеральный закон от 7 июля 1998 года № 75-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 года); О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ (ред. от 25 июня 2012 года); О кредитной кооперации: Федеральный закон от 18 июля 2009 года № 190-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 года); О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 22 октября 2013 года); О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года) // СПС «КонсультантПлюс».

правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного принципалом лица»[1].

В доказательство имманентности конфликта интересов можно привести слова О. Н. Сыродоевой: «…важно твердо помнить о том, что мы имеем дело именно с возможным риском – то есть противоречие интересов само по себе не является преступлением или правонарушением либо обязательно причиняет ущерб другим. В противоположность широкому пониманию, иметь противоречие интересов – это не значит быть в этом «виноватым», это просто состояние дел. Наоборот, во многих ситуациях корпорация и акционеры получают значительную выгоду от сделки, несмотря на наличие противоречия интересов со стороны директора»[2].

Аналогичной точки зрения придерживается и И. С. Шиткина: «Конфликт интересов следует понимать как ситуацию или состояние дел, при котором интересы участников корпоративных отношений не совпадают с интересами самой корпорации и/или других участников корпоративных отношений»[3].

Таким образом, можно отметить единодушие в юридической литературе по поводу определения конфликта интересов. Ученые не определяют его как зло, а, напротив, подчеркивают возможность его существования как нормального явления, присущего корпоративным отношениям.

Как отмечает Д. И. Дедов, «комиссия по ценным бумагам США метко называет это конфликтом между личными и профессиональными интересами»[4].

От неизбежных и имеющих право на существование корпоративных конфликтов следует отличать конфликты «неестественные», такие как «гринмейл». С. Ю. Филиппова отмечает, что «с такими конфликтами можно вести борьбу, но не с конфликтом в принципе как социальным явлением. Целью правовой регламентации в этой ситуации является такое воздействие на общественные отношения, которое позволило бы конструктивно действовать корпорации и в конфликтной ситуации»[5].

Выделяет такие конфликты как отдельный тип и О. В. Осипенко, называя их профессионально отработанными и ориентированными на извлечение соответствующего предпринимательского дохода конфликтными технологиями. «Таковыми являются рейдерство (корпоративные захваты, бизнес-пиратство и т. п.), цель которого – отъем бизнеса или его существенных фрагментов, а также «гринмейл» (корпоративный шантаж, юридический рэкет и т. п.), ориентированный на получение более скромных форм инвестиционного дохода, прежде всего в форме некоего отступного, на который соглашается измотанная правовым «прессингом по всему полю» компания или ее мажоритарный участник»[6].

Таким образом, нужно признать, что конфликт интересов имманентно присущ корпорации. Внимание законодателей должно быть направлено не на уничтожение самого конфликта, а на способы избегания или же минимизацию последствий при его обострении.

Известно, что на доктринальном уровне крупные сделки и сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, в совокупности именуются экстраординарными.

Несмотря на распространенное использование этого понятия, нельзя не отметить некоторые сомнения в уместности применения определения «экстраординарные сделки» в юридической литературе. Так, А. В. Габов отмечает: «Думается, однако, что к этому термину следует относиться с большой осторожностью. Особенно в части его противопоставления обычной хозяйственной деятельности, ведь через призму законодательства вообще очень проблематично понять, что имеется в виду. Фактически ни один судебный акт, ни одно разъяснение высшей судебной инстанции не дает ясного толкования судам этой категории»[7].

---

[1] Дедов Д. И. Конфликт интересов. – М., 2004. – С. 1.

[2] Сыродоева О. Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). – М., 1996. – С. 63.

[3] Шиткина И. С. Правовое регулирование корпоративным и антимонопольным законодательством экономической зависимости хозяйствующих субъектов // Хозяйство и право. – 2006. – № 11.

[4] Дедов Д. И. Конфликт интересов. – М., 2004. – С. 1.

[5] Филиппова С. Ю. К вопросу о понятии корпоративного конфликта // Российская юстиция. – 2009. – № 12.

[6] Осипенко О. В. Конфликты в деятельности органов управления акционерных компаний. – М., 2007. – С. 2.

[7] Габов А. В. Проблемы и перспективы правового регулирования сделок акционерного общества, требующих особого порядка их совершения // Цивилист. – 2007. – С 4.

Ситуация с понятиями «крупные сделки» и «сделки, в совершении которых имеется заинтересованность», более определенная. Эти понятия появились сравнительно недавно вместе с появлением ФЗ от 13 июня 1996 г. № 65-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года) «Об акционерных обществах» и ФЗ от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», от 29 декабря 2012 года № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[1], но необходимость применения указанных механизмов возникла намного раньше – собственно с появлением юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений. Не вдаваясь в исторические подробности, все же стоит привести некоторые доказательства использования данного института. Так, С. А. Бурлаков, проводя исторический анализ, приводит в пример положение о компаниях на акциях, принятое в 1836 году, вошедшее в т. X ч. 1 свода законов Российской Империи под названием «О товариществахъ по участникамъ, или компаніяхъ на акціяхъ». Согласно § 2178 положения «Правление распоряжаетъ делами и капиталами компании не иначе, какъ на основании ея устава в коем положительно должно быть определено, до какой именно суммы Правление, безъ созыва общаго собрания акционеровъ, уполномачивается производить расходы по предприятию компании»[2].

И. Т. Тарасов отмечает, что «на распоряжения компании или на распоряжения и действия органов контроля и управления, не переступающие подведомственности этих органов, могут быть подаваемы только жалобы, причем на решения общих собраний подаются жалобы в установленное для этого учреждение, которое может кассировать эти решения, кассация же эта может послужить основанием к возбуждению исковой ответственности; на распоряжения же и действия органов управления и контроля жалобы подаются по инстанциям, – до общего собрания как высшей жалобной инстанции в компании. Распоряжения и действия, переступающие границы подведомственности и заключающие в себе правонарушение, служат основанием к возбуждению ответственности в исковом порядке»[3]. То есть использовался исковой порядок для привлечения к ответственности виновных лиц.

Ограничение компетенции органов управления можно увидеть и на примере Государственного банка Российской Империи. Так, раздел I устава Государственного банка определял, что министр финансов решал в том числе вопросы о постройке, приобретении и отчуждении собственных домов банка, служащих для помещения его учреждений. Таким образом, к исключительной компетенции высшего органа управления были отнесены вопросы совершения банком сделок с недвижимостью, предназначенной для непосредственной деятельности банка. Кроме того, согласно абз. 2 § 30 постановления совета банка по тем из дел, которые превышали по сумме установленные для окончательного разрешения в совете нормы, представлялись управляющим на утверждение министра финансов[4].

Таким образом, уже в период Российской Империи законодатель осознавал, что для эффективной предпринимательской деятельности необходимы механизмы, способные защитить интересы всех участников корпоративных отношений. И хотя в тот период не было четкой регламентации и детального описания применяемых механизмов, нельзя не отметить, что попытки внедрения ограничения компетенции управляющих органов обществ для некоторых сделок уже предпринимались.

Наличие данных институтов в законодательстве советского периода можно усмотреть, например, в Положении о промышленных объединениях (промкомбинатах) низового

---

[1] Об акционерных обществах: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 65-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года); Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 282-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Бурлаков С. А. Крупные сделки юридических лиц: правовое регулирование. – М., 2013. – С. 2–3.

[3] Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. – М., 2000. – С. 487.

[4] Бурлаков С. А. Крупные сделки юридических лиц: правовое регулирование. – М., 2013. – С. 4.

подчинения, действующих на началах коммерческого расчета, принятом в 1928 году[1]. В п. 17 указанного положения говорилось, что управляющий промкомбинатом самостоятельно ведет всю оперативную и административную работу промкомбината, управляет его делами и находящимся в его распоряжении имуществом, совершает сделки и операции, входящие в круг ведения промкомбината. Но указывались случаи, когда ему было необходимо разрешение органа, в ведении которого находился промкомбинат, для совершения таких сделок как отчуждение и залог сооружений, строений и оборудования промкомбината, утративших производственное значение, а также для разрешения на заключение промкомбинатом долгосрочных займов и для сдачи и взятия в аренду производственных и подсобных предприятий. То есть все же существовал порог распоряжения управляющим имуществом промкомбината самостоятельно.

А. В. Габов находит попытки урегулирования конфликта интересов в примечании к § 78 Примерного устава торфяного товарищества 1924 года, где указывалось, что «членами ревизионной комиссии не могут состоять родственники членов правления и ревизионной комиссии до второй ступени (родные братья) включительно»[2].

Обсуждаемые механизмы обрели свое легальное определение в ст. 78 и 81 ФЗ от 13 июня 1996 года № 65-ФЗ (с изменениями на 28 декабря 2013 года) «Об акционерных обществах». Крупной сделкой считается сделка (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, за исключением сделок, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности общества, сделок, связанных с размещением посредством подписки (реализацией) обыкновенных акций общества, сделок, связанных с размещением эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в обыкновенные акции общества, и сделок, совершение которых обязательно для общества в соответствии с федеральными законами и (или) иными правовыми актами Российской Федерации и расчеты по которым производятся по ценам, определенным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, или по ценам и тарифам, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Уставом общества могут быть установлены также иные случаи, при которых на совершаемые обществом сделки распространяется порядок одобрения крупных сделок, предусмотренный настоящим Федеральным законом[3].

В случае отчуждения или возникновения возможности отчуждения имущества с балансовой стоимостью активов общества сопоставляется стоимость такого имущества, определенная по данным бухгалтерского учета, а в случае приобретения имущества – цена его приобретения.

Для принятия советом директоров (наблюдательным советом) общества и общим собранием акционеров решения об одобрении крупной сделки цена отчуждаемого или приобретаемого имущества (услуг) определяется советом директоров (наблюдательным советом) общества в соответствии со ст. 77 Федерального закона[4].

---

[1] Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 13 августа 1928 года «Об утверждении положения о промышленных объединениях (промкомбинатах) низового подчинения, действующих на началах коммерческого расчета» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Габов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. – М., 2010. – С. 218.

[3] См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 401-ФЗ, ред. 30 декабря 2010 года // СПС «КонсультантПлюс». – ст. 78, п. 1.

[4] См.: О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»: Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 120-ФЗ, ред. 1 января 2001 года // СПС «КонсультантПлюс».

1. Крупная сделка должна быть одобрена советом директоров (наблюдательным советом) общества или общим собранием акционеров в соответствии с настоящей статьей[1].

2. Решение об одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого составляет от 25 до 50 процентов балансовой стоимости активов общества, принимается всеми членами совета директоров (наблюдательного совета) общества единогласно, при этом не учитываются голоса выбывших членов совета директоров (наблюдательного совета) общества[2].

В случае если единогласие совета директоров (наблюдательного совета) общества по вопросу об одобрении крупной сделки не достигнуто, по решению совета директоров (наблюдательного совета) общества вопрос об одобрении крупной сделки может быть вынесен на решение общего собрания акционеров. В таком случае решение об одобрении крупной сделки принимается общим собранием акционеров большинством голосов акционеров – владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров.

3. Решение об одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество, стоимость которого составляет более 50% балансовой стоимости активов общества, принимается общим собранием акционеров большинством в три четверти голосов акционеров – владельцев голосующих акций, принимающих участие в общем собрании акционеров.

4. В решении об одобрении крупной сделки должно быть указано лицо (лица), являющееся ее стороной (сторонами), выгодоприобретателем (выгодоприобретателями), цена, предмет сделки и иные ее существенные условия.

5. В случае если крупная сделка одновременно является сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, к порядку ее совершения применяются только положения главы XI настоящего Федерального закона.

6. Крупная сделка, совершенная с нарушением предусмотренных настоящим Федеральным законом требований к ней, может быть признана недействительной по иску общества или его акционера[3].

Срок исковой давности по требованию о признании крупной сделки недействительной в случае его пропуска восстановлению не подлежит.

Суд отказывает в удовлетворении требований о признании недействительной крупной сделки, совершенной с нарушением предусмотренных настоящим Федеральным законом требований к ней, при наличии одного из следующих обстоятельств:

– голосование акционера, обратившегося с иском о признании недействительной крупной сделки, решение об одобрении которой принимается общим собранием акционеров, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования;

– не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или акционеру, обратившемуся с иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них;

– к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки по правилам, предусмотренным настоящим Федеральным законом;

– при рассмотрении дела в суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением предусмотренных настоящим Федеральным законом требований к ней[4].

7. Положения настоящей статьи не применяются к обществам, состоящим из одного акционера, который одновременно осуществляет функции единоличного исполнительного

---

[1] См.: О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»: Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 120-ФЗ, ред. 1 января 2001 года // СПС «КонсультантПлюс».. – Ст. 79, п. 1.

[2] См.: там же. – Ст. 79. – П. 2.1.

[3] См.: там же. – Ст. 79. – П. 6.

[4] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2009 года № 205-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

органа[1]. Сделки (в том числе заем, кредит, залог, поручительство), в совершении которых имеется заинтересованность члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа общества, члена коллегиального исполнительного органа общества или участника общества, имеющего совместно с его аффилированными лицами двадцать и более процентов голосов от общего числа голосов участников общества, а также лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания, совершаются обществом в соответствии с положениями настоящей статьи[2]

1. Указанные лица признаются заинтересованными в совершении обществом сделки в случаях, если они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) их аффилированные лица[3]:

– являются стороной сделки или выступают в интересах третьих лиц в их отношениях с обществом;

– владеют (каждый в отдельности или в совокупности) двадцатью и более процентами акций (долей, паев) юридического лица, являющегося стороной сделки или выступающего в интересах третьих лиц в их отношениях с обществом;

– занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной сделки или выступающего в интересах третьих лиц в их отношениях с обществом, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица[4];

– в иных случаях, определенных уставом общества.

2. Лица, указанные в первом абзаце п. 1 настоящей статьи, должны доводить до сведения общего собрания участников общества информацию:

– о юридических лицах, в которых они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) их аффилированные лица владеют двадцатью и более процентами акций (долей, паев)[5];

– о юридических лицах, в которых они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) их аффилированные лица занимают должности в органах управления[6];

– об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в совершении которых они могут быть признаны заинтересованными.

3. Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, должна быть одобрена решением общего собрания участников общества.

Решение об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, принимается общим собранием участников общества большинством голосов от общего числа голосов участников общества, не заинтересованных в совершении такой сделки.

В решении об одобрении сделки должны быть указаны лицо или лица, являющиеся сторонами, выгодоприобретателями в сделке, цена, предмет сделки и иные ее существенные условия.

Общее собрание участников общества может принять решение об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность и которая может быть совершена в будущем в процессе осуществления обществом его обычной хозяйственной деятельности. При

---

[1] См.: О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»: Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 120-ФЗ, ред. 1 января 2002 года; Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ. – Ст. 45, 46; Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года. – Ст. 45 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См. там же.

[4] См. там же.

[5] См. там же.

[6] См. там же.

этом в решении об одобрении сделки должна быть указана предельная сумма, на которую может быть совершена такая сделка. Решение об одобрении сделки имеет силу до следующего очередного общего собрания участников общества, если иное не предусмотрено указанным решением[1].

4. Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, не требует одобрения общим собранием участников общества в том случае, если условия такой сделки существенно не отличаются от условий аналогичных сделок (в том числе займа, кредита, залога, поручительства), совершенных между обществом и заинтересованным лицом в процессе осуществления обычной хозяйственной деятельности общества, имевшей место до момента, когда заинтересованное лицо было признано таковым в соответствии с п. 1 настоящей статьи. Указанное исключение распространяется только на сделки, в совершении которых имеется заинтересованность и которые были совершены с момента, когда заинтересованное лицо было признано таковым, до момента проведения следующего очередного общего собрания участников общества[2].

5. Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность и которая совершена с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней, может быть признана недействительной по иску общества или его участника.

Срок исковой давности по требованию о признании недействительной сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, в случае его пропуска восстановлению не подлежит.

Суд отказывает в удовлетворении требований о признании недействительной сделки, в совершении которой имеется заинтересованность и которая совершена с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней, при наличии одного из следующих обстоятельств:

– голосование участника общества, обратившегося с иском о признании недействительной сделки, решение об одобрении которой принимается общим собранием участников общества, и не заинтересованного в ее совершении, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования;

– не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или участнику общества, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них;

– к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки по правилам, предусмотренным настоящей статьей, с учетом имевшейся на момент совершения сделки и на момент ее одобрения заинтересованности лиц, указанных в п. 1 настоящей статьи;

– при рассмотрении дела в суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней[3].

6. Положения настоящей статьи не применяются к:

– обществам, состоящим из одного участника, который одновременно осуществляет функции единоличного исполнительного органа данного общества;

– сделкам, в совершении которых заинтересованы все участники общества;

– отношениям, возникающим при переходе к обществу доли или части доли в его уставном капитале в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

– отношениям, возникающим при переходе прав на имущество в процессе реорганизации общества, в том числе договорам о слиянии и присоединении;

---

[1] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – П. 3.

[2] См. там же. – П. 4.

[3] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 401-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

– сделкам, совершение которых обязательно для общества в соответствии с федеральными законами и (или) иными правовыми актами Российской Федерации и расчеты по которым производятся по ценам, определенным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, или по ценам и тарифам, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти[1].

6.1. Лицо признается аффилированным в соответствии с требованиями Законодательства Российской Федерации.

Аффилированные лица общества обязаны уведомить его в письменной форме о принадлежащих им долях или частях долей не позднее чем в течение десяти дней с даты приобретения доли или части доли, предоставляющей указанным лицам право с учетом уже принадлежащих им долей в уставном капитале распоряжаться более чем двадцатью процентами голосов от общего количества голосов участников данного общества.

В случае если в результате непредоставления или несвоевременного предоставления указанной информации по вине аффилированного лица обществу причинен имущественный ущерб, аффилированное лицо несет перед обществом ответственность в размере причиненного ущерба[2].

7. В случае образования в обществе совета директоров (наблюдательного совета) принятие решения о заключении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, может быть отнесено уставом общества к его компетенции, за исключением тех случаев, если сумма оплаты по сделке или стоимость имущества, являющегося предметом сделки, превышает два процента стоимости имущества общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период.

Согласно статье 46 «Крупные сделки» главы IV Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»[3]:

1. Крупной является сделка (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов стоимости имущества общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения о совершении таких сделок, если уставом общества не предусмотрен более высокий размер крупной сделки. Крупными не признаются сделки, совершаемые в процессе обычной хозяйственной деятельности общества, а также сделки, совершение которых обязательно для общества в соответствии с федеральными законами и (или) иными правовыми актами Российской Федерации и расчеты по которым производятся по ценам, определенным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, или по ценам и тарифам, установленным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти[4].

2. Для целей настоящей статьи стоимость отчуждаемого обществом в результате крупной сделки имущества определяется на основании данных его бухгалтерского учета, а стоимость приобретаемого обществом имущества – на основании цены предложения.

3. Решение об одобрении крупной сделки принимается общим собранием участников общества[5].

---

[1] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 401-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – П. 6.

[2] См. там же. – П. 6.1.

[3] См.: Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 401-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В решении об одобрении крупной сделки должны быть указаны лица, являющиеся сторонами, выгодоприобретателями в сделке, цена, предмет сделки и иные ее существенные условия. В решении могут не указываться лица, являющиеся сторонами, выгодоприобретателями в сделке, если сделка подлежит заключению на торгах, а также в иных случаях, если стороны, выгодоприобретатели не могут быть определены к моменту одобрения крупной сделки[1].

4. В случае образования в обществе совета директоров (наблюдательного совета) принятие решений об одобрении крупных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет от 25 до 50 процентов стоимости имущества общества, может быть отнесено уставом общества к компетенции совета директоров (наблюдательного совета)[2].

5. Крупная сделка, совершенная с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней, может быть признана недействительной по иску общества или его участника.

Срок исковой давности по требованию о признании крупной сделки недействительной в случае его пропуска восстановлению не подлежит.

Суд отказывает в удовлетворении требований о признании крупной сделки, совершенной с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней, недействительной при наличии одного из следующих обстоятельств:

– голосование участника общества, обратившегося с иском о признании недействительной крупной сделки, решение об одобрении которой принимается общим собранием участников общества, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования;

– не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или участнику общества, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них;

– к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки по правилам, предусмотренным настоящим Федеральным законом;

– при рассмотрении дела в суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней[3].

6. Уставом общества может быть предусмотрено, что для совершения крупных сделок не требуется решения общего собрания участников общества и совета директоров (наблюдательного совета) общества.

7. Наряду со случаями, указанными в п. 1 настоящей статьи, уставом общества могут быть предусмотрены другие виды и (или) размер сделок, на которые распространяется порядок одобрения крупных сделок, установленный настоящей статьей[4].

8. В случае если крупная сделка одновременно является сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, к порядку одобрения такой крупной сделки применяются положения статьи 45 настоящего Федерального закона, за исключением того случая, если в совершении сделки заинтересованы все участники общества. В случае если в совершении крупной сделки заинтересованы все участники общества, к порядку ее одобрения применяются положения настоящей статьи[5].

9. Положения настоящей статьи о порядке одобрения крупных сделок не применяются к:

---

[1] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – П. 6.

[2] См.: там же.

[3] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2009 года № 205-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – П. 5.

[4] См.: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – П. 7.

[5] См.: там же. – П. 8.

– обществам, состоящим из одного участника, который одновременно осуществляет функции единоличного исполнительного органа данного общества;

– отношениям, возникающим при переходе к обществу доли или части доли в его уставном капитале в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом;– отношениям, возникающим при переходе прав на имущество в процессе реорганизации общества, в том числе договорам о слиянии и о присоединении[1].Несмотря на то что прошло уже около 18 лет с момента появления понятий крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, существует значительное количество пробелов в законодательстве, которое частично компенсируется судебной практикой и активно обсуждается правоведами.

Свое название, например, таким сделкам присвоил Приказ ФСФР РФ от 9 октября 2007 года № 07-102/пз-н (в ред. от 8 августа 2013 года) «Об утверждении Положения о деятельности по организации торговли на рынке ценных бумаг»[2], назвав их «нестандартными сделками»[3].

В связи с широким использованием и сложившимся пониманием понятия «экстраординарные сделки» считаем возможным его дальнейшее использование. Считаем данное понятие наиболее удачным из числа существующих. В подтверждение данной точки зрения можно процитировать определение, приводимое в толком словаре Т. Ф. Ефремовой: «Экстраординарный – не предусмотренный обычным течением дел»[4], что подчеркивает уместность применения этого понятия.

Касательно неточности формулировки понятий следует отметить точку зрения А. В. Габова относительно сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Автор предлагает называть такие сделки «сделками с конфликтом интересов», выделяя пять признаков, через которые выявляется конфликт, для его формального правового разрешения: 1) субъектный состав сделки, примером которого является сделка, в совершении которой имеется заинтересованность; 2) объекты (предметы), которые являются признаком при совершении крупной сделки; 3) действия лиц (виды сделок и действий, их основания и результат); примером служит ст. 82 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 года) «О несостоятельности (банкротстве)»[5], которая указывает, что должник не вправе без согласия административного управляющего совершать сделки или несколько взаимосвязанных сделок, которые влекут за собой увеличение кредиторской задолженности должника более чем на пять процентов суммы требования кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов на дату введения финансового оздоровления; 4) комбинация трех указанных факторов; 5) усмотрение участников (как с предварительным описанием границ, в которых такое усмотрение возможно, так и без такового); например, в случае с заинтересованной сделкой акционерного общества, подлежащей одобрению собранием акционеров[6].

Таким образом, считаем необходимым дальнейшее развитие законодательства в отношении обсуждаемого вопроса, так как отсутствие множества понятий, необходимых для урегулирования споров, связанных с совершением крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, и сейчас приводит к неточностям и разногласиям, подрывающим в конечном итоге стабильность гражданского оборота.

---

[1] См. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – П. 9.

[2] Об утверждении Положения о деятельности по организации торговли на рынке ценных бумаг: Приказ ФСФР РФ от 9 октября 2007 года № 07-102\пз-н (в ред. от 8 августа 2013 года) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приказ ФСФР РФ от 15 декабря 2004 года № 04-1245/ пз-н «Об утверждении Положения о деятельности по организации торговли на рынке ценных бумаг» // БНА, 2005. – № 3.

[4] Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3 т. – М., 2006. – С. 923.

[5] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 12 марта 2014 года) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Габов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. – М., 2010. – С. 221–222.

Д. В. Федотов

ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОТСТУПНОМ, ИЛИ О НОВАЦИИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ С СОЛИДАРНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТЬЮ ЛИЦ

Поводом для написания этой статьи послужил случай из практики автора. Как известно, в соответствии с п. 1 ст. 670 Гражданского кодекса РФ арендатор вправе предъявлять непосредственно продавцу имущества, являющегося предметом договора финансовой аренды, требования, вытекающие из договора купли-продажи, заключенного между продавцом и арендодателем, в частности в отношении качества и комплектности имущества, сроков его поставки, и в других случаях – ненадлежащего исполнения договора продавцом. В отношениях с продавцом арендатор и арендодатель выступают как солидарные кредиторы.

Лизингополучатель, обнаружив в арендованном имуществе недостатки, за свой счет устранил их и предъявил к продавцу требование об их возмещении согласно последнему абзацу п. 1 ст. 475 кодекса. Продавец предложил лизингополучателю заключить соглашение о новации, по условиям которого он обязался вместо возмещения расходов лизингополучателя на устранение недостатков товара передать ему в собственность определенную продукцию. Возник вопрос: требуется ли на совершение такого рода сделки согласие лизингодателя?

В действующем законодательстве мы не найдем прямого ответа на такой вопрос, поэтому следует обратиться к мнениям ученых по соответствующей проблематике.

Вот что писал по данной теме В. Голевинский: «Веритель вправе превратить обязательство, солидарное на стороне должников, на какое-либо другое обязательство посредством обновления, совершаемого с одним только солидарным должником. Последствия такого обновления относительно не участвующих в нем должников состоят в том, что прежнее солидарное обязательство, замененное новым, прекращается, а следовательно, все должники освобождаются относительно верителя; новое же обязательство лежит только на том должнике, который участвовал в обновлении»[1]. Иное дело при солидарности требований – в таком случае, по мнению Голевинского, «остальные способы прекращения обязательств (кроме зачета – Авт.), а именно: сложение долга, обновление, совпадение, не заключая в себе никаких признаков удовлетворения, не могут служить отводом против солидарных верителей, если происходят только от одного или нескольких из них»[2].

В ст. 1714 проекта Гражданского уложения Российской Империи содержалось правило о том, что если один из совокупных должников по договору с верителем принял на себя новое обязательство взамен совокупного, то остальные должники освобождаются от прежнего обязательства и не отвечают по новому[3]. По мнению С. В. Сарбаша такой подход коррелирует с немецким законодательством[4].

Из современных авторов данной проблемой занимался В. А. Белов. Он пишет: «Положим, должник солидарного обязательства предложил одному из сокредиторов принять взамен исполнения отступное; сокредитор согласился, все состоялось. Эффект для всего солидарного обязательства очевиден: прекращение и, следовательно, выбывание из него всех сокредиторов, включая тех, которые не получали вовсе ничего – ни исполнения, ни отступного. Норма п. 4 ст. 326 ГК РФ, позволяющая им обратить свои требования к сокредитору, полу-

[1] Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. – Варшава, 1872. – С. 237.

[2] Там же. – С. 225.

[3] Текст проекта Гражданского уложения Российской Империи приводится по кн.: Кодификация российского гражданского права: свод законов гражданских Российской Империи, проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. – Екатеринбург: Издательство института частного права, 2003.

[4] См.: Сарбаш С. В. Обязательства с множественностью лиц и особенности их исполнения. – М.: Статут, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

чившему исполнение от должника, должна, очевидно, толковаться несколько шире, чем гласит ее буквальный текст, и распространяться на все вообще случаи прекращения активно-солидарного обязательства, при котором все причитающееся по нему предоставление либо его эквивалент приобретает один из солидарных сокредиторов. В случае с отступным таким предоставлением будет предмет, составляющий отступное; при новации – требование по обновленному обязательству»[1]. Похожим образом В. А. Белов разрешает тот же вопрос при пассивной множественности лиц в обязательстве: «Положим, кредитор предъявил требование одному из содолжников пассивно-солидарного обязательства; последний предложил кредитору получить вместо исполнения его замену (отступное); кредитор согласился; содолжник отступное передал, кредитор его получил, что и было надлежащим образом оформлено. Предоставление кредитору (получение кредитором) отступного, согласно ст. 409 ГК РФ, прекращает требование последнего, а значит, и все обязательство в целом. Такое прекращение в нашем примере произошло за счет имущества одного из содолжников; все остальные, стало быть, из обязательства выбыли за его (чужой) счет, сами (из своего собственного имущества) ни копейки на это не затратив. Произошло неосновательное сбережение имущества бывшими солидарными содолжниками за счет одного из них – точно такое же, какое имело бы место в случае исполнения им солидарного обязательства. Вполне понятно, что бывший солидарный содолжник, хотя бы предоставивший отступное, а не собственно исполнение, становится по отношению к ним в положение, описанное п. 2 ст. 325 ГК РФ»[2]. Аналогичным образом, по мнению В. А. Белова, эта ситуация разрешается и в случае с новацией[3].

Ознакомившись с вышеприведенными точками зрения, следует перейти к выработке оптимального разрешения поставленного вопроса. Очевидно, что никаких затруднений нет, если на совершение новации или отступного согласны все лица, являющиеся участниками соответствующего обязательства. Как поступить, если кто-то из них возражает против предоставления суррогата исполнения или же не высказывает никакого решения?

Представляется, что в таком случае нужно исходить из двух постулатов. Первый из них заключается в принципе свободы договора как одном из основополагающих начал гражданского права. Исходя из этого принципа, участники гражданского оборота вправе заключать соглашения на основе своего свободного волеизъявления. Второй постулат состоит в том, что условия такого соглашения должны регулировать отношения исключительно между лицами, его заключившими, и не распространяться на лиц, в нем не участвующих. Это положение вытекает из п. 3 ст. 308 Гражданского кодекса РФ, в силу которого обязательство не может создавать обязанностей для третьих лиц. Сочетание этих принципов и позволит добиться оптимального результата – чтобы, образно выражаясь, и волки были сыты, и овцы целы.

Как известно, в обязательстве участвуют две стороны – кредитор и должник. Одна из сторон, однако, может быть представлена несколькими лицами – в таком случае мы говорим о множественности лиц в обязательстве на стороне кредитора, должника или их обоих вместе. В обязательствах с солидарной множественностью лиц возникает проблема: одна из сторон обязательства представлена двумя и более субъектами, содержание воли которых может не совпадать. В связи с этим было бы несправедливым, если бы при заключении соглашения об отступном или новации учитывалась воля только одного из солидарных кредиторов или должников и игнорировалась воля остальных, так как последствия заключения такого соглашения неминуемо отразятся на них помимо их воли.

Предположим, в соответствии с позицией В. А. Белова должник и один из сокредиторов заключили соглашение об отступном, отступное фактически передано сокредитору. Что

---

[1] Белов В. А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2011. – С. 87.

[2] Там же. – С. 86.

[3] См.: там же. – С. 86–87.

в таком случае в соответствии с п. 4 ст. 326 Гражданского кодекса РФ будет требовать от данного сокредитора второй сокредитор в соответствующей доле – предмет первоначального обязательства или предмет отступного? Второй вариант явно несправедлив, ведь в таком случае фактически произошла замена предмета исполнения помимо воли второго сокредитора, причем такой сокредитор может быть вовсе не заинтересован в новом предмете исполнения. Поэтому, видимо, более правилен первый вариант.

Однако это даже не главное затруднение. Предположим, что соглашение об отступном между должником и первым сокредитором заключено, но предмет отступного еще не передан. Что в таком случае может потребовать второй сокредитор? Как разъяснил Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 2 Информационного письма от 21 декабря 2005 года № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса РФ», в случае заключения соглашения об отступном кредитор не вправе требовать исполнения первоначального обязательства до истечения установленного сторонами срока предоставления отступного. Таким образом, второй сокредитор до истечения срока предоставления отступного не сможет требовать исполнения первоначального обязательства, а в получении предмета отступного он может не быть заинтересован. Еще более невыгодно положение второго сокредитора, если заключено соглашение о новации, но новое обязательство еще не исполнено. Так как соглашение о новации является, в отличие от соглашения об отступном, консенсуальной сделкой, такой кредитор вовсе никогда не сможет потребовать предмета первоначального обязательства, а получение нового ему может быть неинтересно.

Хуже того, при заключении соглашения о новации (или о передаче отступного), если соглашением не установлено иное, у солидарных кредиторов прекращаются дополнительные права, связанные с соответствующим обязательством, в частности право на взыскание неустойки (см. соответственно п. 3 ст. 414 Гражданского кодекса РФ и п. 3 Информационного письма № 102). Несомненно, все это ущемляет права сокредитора, не заключавшего соглашение об отступном или новации.

Что касается пассивной солидарной множественности лиц, то и там возникают определенные проблемы. Допустим, содолжник и кредитор заключили соглашение об отступном, содолжник передал предмет отступного. Что ему должен передать второй содолжник в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 325 Гражданского кодекса РФ? В силу особенностей конкретной ситуации для второго содолжника может быть выгодной передача в порядке регресса первому содолжнику предмета первоначального обязательства в соответствующей доле.

Ввиду всего вышеизложенного вариант разрешения проблемы, которого придерживается В. А. Белов, представляется неоптимальным. Ключевым ее недостатком является игнорирование воли лиц, не участвующих в заключении соглашения об отступном или новации, но при этом являющихся солидарными кредиторами или должниками в прекращаемом обязательстве.

Предложенное В. Голевинским, а также содержащееся в проекте Гражданского уложения Российской Империи правило, в соответствии с которым если один из солидарных должников по соглашению с кредитором принял на себя новое обязательство (как в порядке новации, так и в порядке предоставления отступного), то остальные содолжники освобождаются от прежнего обязательства и не отвечают по новому, представляется наиболее логичным и последовательным. Обновленное обязательство лишается свойства солидарности, что, конечно, не совсем выгодно для кредитора, но ведь при подписании соглашения об отступном (новации) он должен был знать о последствиях в виде освобождения от обязательства других содолжников.

Труднее дело обстоит с солидарными требованиями. Здесь такой же вариант, как при пассивной солидарности обязательства, очевидно, не проходит, поскольку в данном случае все кредиторы, кроме заключившего соглашение об отступном (новации), по существу, выбывают из обязательства против или помимо своей воли.

Поэтому представляется логичным использовать следующую схему. Для краткости изложения предположим, что у нас имеется два сокредитора и заключается соглашение о

новации; при большем количестве кредиторов и использовании механизма отступного суть не меняется. Также будем именовать кредитора, с которым заключается соглашение о новации, первым, а оставшегося, который соглашение не заключал, – вторым. Схема такова: старое солидарное обязательство прекращается, а взамен его возникают два новых – первое (перед первым кредитором) по содержанию соответствует возникшему из соглашения о новации, второе (перед вторым кредитором) идентично старому во всем, кроме солидарности. Должник исполняет либо первое, либо второе обязательство в зависимости от того, кто из кредиторов первым предъявит требование, а при отсутствии такого требования – по своему усмотрению, причем исполнение одного обязательства прекращает в соответствующей части исполнение другого[1]. Что касается расчетов между кредиторами, то в них ничего не меняется: первый кредитор должен при расчетах со вторым кредитором действовать таким образом, как будто соглашения о новации не было (то есть предоставить второму кредитору в соответствующей части старый предмет исполнения или исполнение старым способом).

Получается, что у первого кредитора происходят изменения только во «внешних» отношениях с должником, но ничего не меняется во «внутренних» отношениях со вторым кредитором. У второго кредитора не меняются ни «внешние» отношения с должником, ни «внутренние» с первым кредитором. Наконец, у должника меняются только отношения с первым кредитором и ничего не меняется в отношениях со вторым кредитором.

При возникновении спорных ситуаций следует, на наш взгляд, исходить из приоритета защиты прав и интересов второго кредитора как наименее защищенного участника правоотношений, ведь он лишен возможности влиять на содержание соглашения между первым кредитором и должником. Последние, напротив, заключая по своей воле соглашение, которое косвенно может повлиять на правовой статус лица, в нем не участвующего, должны нести в связи с этим и повышенные риски. Примером коллизии интересов первого и второго кредитора может послужить следующая ситуация. Допустим, предметом солидарного требования была передача неделимого имущества. Соглашением о новации между должником и первым кредитором была предусмотрена передача вместо предмета обязательства некой денежной суммы. Должник фактически передал первому кредитору половину этой суммы, после чего второй кредитор предъявил к должнику требование о передаче предмета первоначального обязательства (как мы помним, на второго кредитора соглашение о новации не распространяется, а предмет первоначального обязательства по условиям казуса неделим). Правомерно ли такое требование? Если да, то фактически получится, что должник исполнит обязательство полтора раза. Если нет, то нарушаются интересы второго кредитора, потому что он лишается права требования, в то время как должник только наполовину исполнил свое обязательство. Думается, в силу вышеизложенных причин следует остановиться на первом варианте ответа.

Именно таким образом достигается обозначенная выше цель: условия соглашения о новации (об отступном) должны регулировать отношения исключительно между лицами, его заключившими, и не распространяться на лиц, в нем не участвующих.

Конечно, изложенный подход может показаться излишне сложным. Однако, как справедливо указал Р. С. Бевзенко, «вряд ли сама по себе сложность какого-то правового механизма является основанием для того, чтобы отвергнуть его»[2].

---

[1] Несколько похожая картина наблюдается при частичном исполнении должником обязательства, обеспеченного поручительством: частичное исполнение обязательства прекращает в соответствующей части и обязательство поручителя. – Авт.

[2] Бевзенко Р. С. Удовлетворение требований нескольких кредиторов из стоимости заложенного имущества // Вестник гражданского права. – 2011. – № 1. – С. 107.

С. С. Сухов

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Участие защитника в уголовном деле обусловлено его процессуальным положением, способностью оказать необходимую, а главное – квалифицированную юридическую помощь, обеспечить тем самым подозреваемому, обвиняемому право на защиту. В связи с этим участие именно адвоката-защитника в уголовном процессе является одним из средств реализации в полном объеме права на защиту подозреваемого, обвиняемого.

Статус защитника в уголовном судопроизводстве связан с осуществлением функции защиты по уголовному делу, направленной на опровержение обвинения или его частей, смягчение ответственности обвиняемого, уменьшение размера ущерба, подлежащего возмещению, и т. д.

Согласно ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» полномочия адвоката, участвующего в качестве защитника доверителя в уголовном судопроизводстве, регламентируются УПК РФ. Следовательно, процессуальное положение адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве следует определять через его права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Но это не мешает применять положения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и «Кодекса профессиональной этики адвоката» к деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, поскольку они также регулируют его деятельность путем предъявления к ней дополнительных, повышенных, обремененных статусом адвоката требований.

Во-первых, защитник наделен законом внушительным объемом прав, обязанностей, позволяющих эффективно осуществлять защиту; во-вторых, защитник вправе представлять доказательства; в-третьих, защитник обладает полным процессуальным равноправием с другими участниками процесса по представлению доказательств и участию в их исследовании, заявлению ходатайств на судебном следствии; в-четвертых, в выборе тактических процессуальных средств и методов защиты адвокат самостоятелен, независим от воли подзащитного и исходит из конкретных обстоятельств дела и закона. Полномочия, отражающие участие защитника в указанной стадии процесса: участие в конкретных следственных действиях, обжалование действий и решений следователя, ознакомление с материалами дела, сбор и представление доказательств.

В соответствии со ст. 53 УПК РФ, ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» защитник обладает следующими правами в уголовном процессе. С момента допуска к участию в деле защитник вправе:

1. Иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 6 закона об адвокатуре, ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Право защитника на свидания со своим подзащитным без ограничения их числа и продолжительности дает ордер на ведение уголовного дела. Осуществление этого права не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, по которому обвиняемый находится под стражей[1]. Право на свидание с обвиняемым имеет особое значение в оказании помощи последнему. Перед первым и любым последующим допросом, а также перед любым следственным действием защитник вправе иметь с подзащитным свидание наедине, конфиденциально, без ограничения его продолжительности, если это обвиняемый (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). В случае необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого продолжительность свидания свыше двух часов может быть ограничена дознавателем, следователем, прокурором с обязательным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника. Ограничения не могут сократить свидание на срок менее двух часов. Естественно, защитник и подозреваемый по собственной инициативе могут ограничиться и меньшим временем (ч. 4 ст. 92 УПК РФ). Нельзя, однако, прерывать уже начавшееся следственное действие для предоставления свидания с целью получения консультаций, поскольку получение кратких консультаций предусмотрено законом в присутствии лица, производящего расследование. Конфиденциальное свидание наедине с обвиняемым защитнику должно быть предоставлено после предъявления обвинения, но до начала его допроса, если об этом просит обвиняемый или ходатайствует защитник. Такая беседа, возможно, им необходима для уяснения смысла содержания постановления и выяснения позиции обвиняемого в отношении предъявленного обвинения. Право защитника на первую конфиденциальную встречу наедине со своим подзащитным и без ограничения по времени возникает в связи с предстоящим первым допросом подозреваемого, обвиняемого, о чем лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано своевременно поставить защитника в известность. Тем самым защищающаяся сторона получает реальную возможность перед следственным действием, имеющим важнейшее значение для всего дальнейшего состязательного процесса, выработать свою законную тактику и отношение к инкриминируемому обвинению.

2. Собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. третьей ст. 86 УПК РФ.

3. Привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ.

4. Присутствовать при предъявлении обвинения.

5. Участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном УПК РФ.

6. Знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, а также с иными документами, которые предъявлялись либо должны быть предъявлены подозреваемому, обвиняемому.

7. Знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств.

8. Заявлять ходатайства и отводы.

Заявление ходатайств как в устной, так и в письменной форме, – одно из эффективных средств защиты. Оно может быть заявлено в любой момент производства по уголовному

---

[1] По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А. П. Голомидова, В. Г. Кислицина и И. В. Москвичева: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 года № 14-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 1, 2002 год.

делу. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол следственного действия или судебного заседания. Оно может быть связано с просьбой об изменении квалификации преступления или меры пресечения, о прекращении дела или производства определенного следственного действия, с решением иных вопросов, имеющих значение для дела. Защитник обязан своевременно доводить до сведения следователя, прокурора, суда данные об обстоятельствах, говорящих в пользу обвиняемого, о нарушении его прав с тем, чтобы эти нарушения были устранены немедленно. Для повышения эффективности деятельности защитника всякое ходатайство должно быть заявлено на той стадии процесса, на которой появились и стали известны адвокату его основания. Признание следователем и судом заявленного адвокатом ходатайства необоснованным не может служить основанием для вынесения частного определения в отношении адвоката. Более того, отклонение ходатайства не лишает заявителя права вновь заявить его. Защитник самостоятелен в выборе момента заявления ходатайства: он исходит из материалов как вновь представляемых, так и имеющихся в деле. При этом он должен представлять себе возможные последствия удовлетворения заявленного ходатайства. Без уверенности в благоприятном или хотя бы в нейтральном исходе заявлять ходатайство защитник не должен. Защитник не вправе заявлять ходатайство, не обсудив его содержание с обвиняемым или не поставив его в известность о характере и содержании просьбы. Этого требуют как этика, так и нормы УПК РФ (ч. 1 ст. 50 УПК РФ). Относительная самостоятельность защитника немыслима в отрыве от интересов подзащитного и ограничена ими. Когда обвиняемый намерен заявить ходатайство, необходимость которого адвокатом не усматривается, последний разъясняет подзащитному его право самостоятельно заявить ходатайство, а в случае необходимости помогает в его оформлении. При этом защитник не должен высказывать, а тем более мотивировать следователю или суду свое несогласие с заявленным ходатайством. Подготовка письменного ходатайства требует определенного времени для изучения научной литературы, судебной практики и анализа материалов дела, консультаций со специалистами. УПК РФ не предусматривает специального срока для формулирования ходатайств, и он определяется из общего указания на то, что следователь и суд обязаны обеспечить защитнику возможность заявлять ходатайства. В необходимых случаях по многотомным делам следователь должен определить защитнику и обвиняемому для подготовки ходатайства достаточное время. УПК РФ предусматривает срок, в течение которого следователь обязан рассмотреть и разрешить заявленное ходатайство. Как правило, ходатайство должно рассматриваться сразу же и разрешаться непосредственно после его заявления. В случае невозможности сделать это немедленно оно должно быть разрешено не позднее чем в течение трех суток со дня его заявления (ст. 121 УПК РФ). По результатам разрешения ходатайств выносится письменное решение, которое в случае несогласия с ним может быть обжаловано в порядке гл. 16 УПК РФ прокурору либо в суд.

Защитник вправе заявлять отводы в соответствии с основаниями и порядком, предусмотренным в гл. 9 УПК РФ. При заявлении отвода защитник не может ссылаться на сведения, которые он субъективно считает заведомо ложными. Поэтому защитник не вправе заявлять и поддерживать отвод, основанный на таких сведениях. Вместе с тем защитник может привести утверждения, в истинности которых он до конца не убежден. Заявляя отвод от своего имени, адвокат обязан согласовать этот вопрос с подзащитным. Заявлять отвод независимо от желания подзащитного адвокат вправе лишь в случаях, когда обвиняемый не способен к самостоятельной защите из-за несовершеннолетия, психических или физических недостатков.

9. Приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда и участвовать в их рассмотрении судом.

10. Использовать иные не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты.

Участвуя в производстве предварительного расследования по уголовному делу, защитник несет целый ряд процессуальных обязанностей, также на него распространяются определенные запреты. Защитник обязан: являться по вызову дознавателя, следователя,

прокурора для участия в производстве по делу; сохранять в тайне содержание бесед с подозреваемым, обвиняемым; использовать все законные средства и способы защиты подозреваемого; дать подписку о неразглашении материалов уголовного дела, содержащих государственную тайну; оказывать квалифицированную юридическую помощь подзащитному; и т. д. Кроме того, защитнику запрещено: разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты; защищать интересы двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного противоречат интересам другого; отказываться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (п. 5–7 ст. 49, ч. 2 ст. 53 УПК РФ). Обязанности защитника в уголовном процессе не закреплены в отдельной статье УПК РФ, они разбросаны по всему кодексу. В ходе осуществления своих полномочий адвокат обязан строго соблюдать закон, адвокатскую этику и использовать все не запрещенные законом средства для защиты прав и законных интересов обвиняемого или лица, представителем которого он является. Он не вправе отказаться от принятой на себя защиты, но не имеет права и осуществлять защиту или представительство в случаях, если он по данному делу оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицам, интересы которых находятся в противоречии с интересами лица, обратившегося с просьбой о ведении дела. Кроме этого в случаях, установленных законом, адвокаты обязаны оказывать юридическую помощь бесплатно.

Таким образом, на защитника возлагаются конкретные обязанности, для реализации которых ему даны определенные полномочия (права). Использование этих полномочий одновременно является и его юридической обязанностью, уклониться от выполнения которой он не вправе. У защитника нет свободы в выборе способа поведения, имеющейся, скажем, у обвиняемого, который может осуществлять свои права, а может и не осуществлять. Но у него есть то, что обычно квалифицируется как усмотрение. Под ним понимается проявление защитником инициативы при выборе средств и способов защиты, не запрещенных УПК РФ, в пределах осуществления им защиты прав и законных интересов доверителя. Таким образом, на адвоката возлагается общая обязанность использовать все не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты в целях защиты прав и законных интересов подзащитного.

З. Ю. Шаталина

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЛОГОВОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ

В современной теоретико-правовой науке и государственно-правовой практике вопрос о деятельности государства, его функциях – одна из наиболее важных и одновременно дискуссионных проблем.

Профессор Л. А. Морозова исследует следующие функции Российского государства: политическую, экономическую, социальную, экологическую, функцию налогообложения и финансового контроля, охраны прав и свобод граждан, обеспечения законности и правопорядка. Л. А. Морозова указывает на то, что важной функцией Российского государства является функция налогообложения и финансового контроля. Ее значимость обусловлена тем, что бюджет государства, как и бюджет его структурных и региональных единиц, состоит из различного рода налогов, сборов, пошлин и иных обязательных платежей. Кроме того, Л. А. Морозова считает, что наличие государственной казны и основного источника ее пополнения – налогов, является необходимым признаком государства[1].

В трудах мыслителей Ксенофонта, Аристотеля, Фомы Аквинского, Франческо Петрарки, Жана Бодена подчеркивается, что налоги могут вызывать негативную реакцию населения и к ним нужно прибегать в исключительных случаях. Как в ранние периоды средних веков, так и в эпоху Просвещения налоги рассматривались как плата государства за предоставляемые гражданам услуги. Т. Гоббс отмечал, что налоги, которыми верховная власть облагает людей, есть не что иное, как жалованье, причитающееся тем, кто держал государственный меч для защиты людей, занимающихся различными промыслами и ремеслами[2]. «Ни один государственный вопрос не требует такого мудрого благоразумного рассмотрения, как вопрос о том, какую часть следует брать у подданных и какую часть оставлять им», – писал Шарль Луи Монтескье[3]. Определение той части, которую у «подданных» взимают, является сегодня не столько проблемой экономической, связанной с установлением конкретных ставок налогов и перечня налоговых льгот, сколько юридической, предполагающей создание эффективной основы для сбалансированной налоговой системы, базирующейся на значительных достижениях налогово-правовой науки[4].

По мнению А. В. Брызгалина, «налоговая политика государства есть система актов и мероприятий, проводимых государством в области налогов и направленных на реализацию тех или иных задач, стоящих перед государством»[5]. Таким образом, налоговая политика является частью политики любого государства и оказывает колоссальное воздействие на экономику.

Налоговая политика, являясь важнейшим инструментом государства в реализации поставленных целей, оказывает влияние практически на все социально-экономические сферы страны и неразрывно связана со многими элементами государственного управления – финансовой политикой, денежной политикой, социальной политикой, торгово-промышленной политикой.

Одним из звеньев налоговой политики является определение основных направлений использования налогов на перспективу и текущий период, с учетом путей достижения поставленных финансовой политикой целей, международных факторов и возможностей роста финансовых ресурсов[6].

---

[1] Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЭКСМО, 2008.

[2] Томас Гоббс. Избранные произведения в двух томах. Том 1. – М., 1964.

[3] Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.

[4] Казаков В. В. Налоговая политика, налогообложение, налоговые правоотношения – основополагающие категории в системе налогового права //Финансовое право. – 2011. – № 7. – С. 26–28.

[5] Брызгалин А. В. и др. Налоги и налоговое право: учебное пособие / Под ред. А. В. Брызгалина. – М., 1997.

[6] Титов А. С. Налоговое администрирование и контроль. – М., 2007. – С. 29.

Следует отметить, что на налоговую политику большое влияние оказывает в том числе и международная политика. Страны вынуждены проводить налоговую политику, максимально способствующую привлечению инвестиций и повышению конкурентоспособности национальной экономики[1].

Потребность совершенствования налоговой политики связана со стратегической целью воплощения в жизнь конституционных характеристик Российского государства. Исходя из решений Конституционного Суда Российской Федерации, высказываний ученых-юристов, осуществляя нормативно-правовое регулирование отношений в сфере формирования налоговой политики государства и определяя принципы налогообложения и функционирования налоговой системы, законодатель должен прежде всего учитывать закрепленные Конституцией Российской Федерации основы конституционного строя России, включая правовой, демократический, федеративный, социальный характер государства[2].

В Конституции Российской Федерации социальное государство характеризуется как государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь (ст. 7 Конституции РФ). Конституционная характеристика России как социального государства на данном этапе развития обладает незавершенностью, устремленностью в перспективу. Налоговая политика является одной из гарантий реализации формулы социального государства. В любом демократическом государстве (ст. 1 Конституции РФ) должны быть реализованы принципы справедливости, определенности, удобства и эффективности налогообложения, которые сформулировал еще в XIII веке шотландский философ и классик экономической науки Адам Смит[3].

Несмотря на то, что Россия является симметричной федерацией (ст. 5 Конституции РФ), в научной литературе высказывается мнение о том, что в настоящее время налоговая система не учитывает налоговый потенциал регионов и имеет выраженную фискальную направленность[4].

Вместе с тем, говоря о налоговой политике России, многие авторитетные специалисты сходятся во мнении о том, что в Российской Федерации на сегодняшний день можно говорить только о краткосрочной налоговой политике, носящей характер сиюминутной подстройки под существующее состояние экономических отношений[5].

---

[1] Моисеенко М. А. Основные направления налоговой политики России //Финансовое право. – 2010. – № 1. – С. 27–29.

[2] Конституционные основы налоговой политики Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Орешков С. В. – М., 2011.

[3] Кирилина В. Е. Правовые принципы построения налоговой системы в условиях международной интеграции // Финансовое право. – 2011. – № 10. – С. 27–28.

[4] Павлова Л. П., Понкратов В. В. Отдельные аспекты совершенствования налоговой политики // Финансы. – 2010. – № 4. – С. 31–35.

[5] Незамайкин В. Н. Налоговая политика: состояние и перспективы // Финансы. – 2009. – № 12. – С. 35–40.

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ

За прошедшее с момента выхода предыдущего номера журнала «Мы и право» время Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России осуществлено следующее.

Подведены итоги работы передвижного пункта по оказанию бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

В ходе выездного консультирования, проходившего с 16 по 27 июня 2014 года в 10 районах Волгоградской области (Кумылженский, Алексеевский, Нехаевский, Урюпинский, Новониколаевский, Новоаннинский, Киквидзенский, Еланский, Даниловский, Михайловский), юридическую помощь получили около 200 человек.

Наибольшее количество обращений поступило по жилищным и трудовым вопросам.

С 6 по 9 августа 2014 года в Ульяновской области прошел IV Международный летний молодежный юридический форум «ЮрВолга».

Организаторами форума выступили Правительство Ульяновской области и Ассоциация юристов России. Форум проводился при поддержке Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Палаты молодых законодателей Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Федерального агентства по делам молодежи, Российского союза молодежи, Федеральной нотариальной палаты и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Форум собрал около 400 участников – студентов юридических вузов и молодых юристов из субъектов Российской Федерации и зарубежья.

Учебная программа форума включала в себя лекции, секционные заседания, занятия, посвященные законотворческому процессу, проблемам регулирования профессиональной деятельности юриста, адвокатской этике, мастер-классы, тренинги, учебно-деловые игры и многое другое.

В рамках неформальной программы для участников форума были организованы спортивные и командообразующие мероприятия, юридический мегамарафон и интеллектуальные игры.

От Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России в форуме принял участие Дмитрий Новиков, представитель молодежного крыла отделения.

Подведены итоги работы передвижного пункта по оказанию бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

В ходе выездного консультирования, проходившего с 14 по 25 июля 2014 года в 10 районах Волгоградской области (Серафимовичский, Клетский, Суровикинский, Чернышковский, Калачевский, Октябрьский, Котельниковский, Светлоярский, Фроловский, Иловлинский), юридическую помощь получили около 200 человек.

Наибольшее количество обращений поступило по жилищным, наследственным и земельным вопросам.

С 5 по 7 сентября в Волгограде проходил Международный фестиваль изобразительного искусства «АРТ СЛОЙ». Волгоградское региональное отделение Ассоциации юристов России выступило в качестве одного из партнеров фестиваля в части правовой и организационной поддержки мероприятия.

Волгоградский международный фестиваль «АРТ СЛОЙ» – это проект для экспонирования произведений разных направлений изобразительного искусства. Учреждение фестиваля является частью гражданской инициативы Фонда развития современного искусства «МОСТ». «АРТ СЛОЙ» предполагает объединение художников, кураторов, теоретиков и критиков искусства, установление сотрудничества с музеями, галереями, арт-дилерами и коллекционерами. Фестиваль проводится при поддержке губернатора Волгоградской области и содействии правительства и министерства культуры региона.

В фестивале приняли участие художники, скульпторы, фотографы, архитекторы, искусствоведы и культурологи из разных городов России и зарубежья, преподаватели и студенты творческих специальностей вузов и колледжей, педагоги и учащиеся художественных школ.

Программа фестиваля была крайне насыщенной: в течение трех дней на разных площадках фестиваля проходили выставки, лекции, мастер-классы, творческие встречи, показы фильмов и спектаклей и другие мероприятия.

Для экспонирования работ участников фестиваля было задействовано несколько выставочных площадок города. До 5 октября на выставочных площадках будет проходить выставка-продажа работ участников фестиваля.

Более подробно о Волгоградском международном фестивале «АРТ СЛОЙ» можно узнать на его официальном сайте www.artsloy.ru

В рамках фестиваля при участии Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России на базе Волгоградского гуманитарного института также состоялась Международная научно-практическая конференция «Искусство и общество: наследие и современность».

В программу конференции вошли «круглые столы», посвященные вопросам формирования и развития эстетических ценностей современного общества, проблемам права и искусства, влияния творчества на социальное поведение личности; лекции известных ученых-искусствоведов, художников, скульпторов, философов; мастер-классы от ведущих специалистов.

Тематика «круглых столов»: историческая городская среда и современное искусство; теория и практика проблем развития современного искусства; творческое самовыражение личности и социальный активизм; право и искусство: взаимовлияние и взаимопроникновение; система эстетических ценностей современного общества.

По итогам конференции запланировано издание сборника статей.

Подробнее о конференции можно узнать на сайте Волгоградского гуманитарного института www.vggi.ru

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

На вопросы отвечает консультант центра бесплатной юридической помощи Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Р. Б. Уланов.

Мы с супругом хотели бы распорядиться средствами материнского капитала для улучшения жилищных условий нашей семьи. В наших планах построить жилой дом своими силами или произвести реконструкцию нашего дома. Какие документы нужно для этого представить в Пенсионный фонд?

Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» предусмотрено направление средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий:

– на приобретение или строительство жилого помещения или индивидуального жилого дома;

– на строительство или реконструкцию индивидуального жилого помещения без привлечения организации-подрядчика;

– на компенсацию затрат на строительство или реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства;

– на уплату первоначального взноса при получении кредита или займа, в том числе ипотечного, на приобретение или строительство жилья;

– на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам, в том числе ипотечным, на приобретение или строительство жилья;

– на оплату участия в долевом строительстве;

– на уплату вступительного взноса в качестве участника жилищных, жилищно-строительных, жилищных накопительных кооперативов.

Федеральный закон от 28 июля 2010 года № 241-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о порядке предоставления единовременной выплаты за счет средств материнского (семейного) капитала» предусматривает возможность распоряжения материнским (семейным) капиталом на улучшение жилищных условий путем строительства или реконструкции жилого помещения без привлечения подрядных строительных организаций.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 18 августа 2011 года № 686 «Об утверждении Правил выдачи документа, подтверждающего проведение основных работ по строительству (реконструкции) объекта индивидуального жилищного строительства, осуществляемому с привлечением средств материнского (семейного) капитала» определен порядок выдачи документов, подтверждающих ведение строительства или реконструкции жилого дома собственными силами, то есть без привлечения подрядчика.

Лица, которым был выдан сертификат на получение средств материнского капитала, могут обратиться в территориальный орган Пенсионного фонда РФ с соответствующим заявлением спустя три года с момента рождения второго или последующего ребенка. С момента принятия решения об удовлетворении заявления не позднее чем в двухмесячный срок сумма, не превышающая 50% размера средств материнского капитала, перечисляется на указанный в заявлении счет. Через шесть месяцев с момента первоначального перечисления средств для получения оставшейся суммы заявителю необходимо представить в Пенсионный фонд РФ установленный действующим законодательством пакет документов.

Владельцы сертификатов могут получить средства материнского капитала в качестве компенсации затрат на индивидуальное строительство жилого объекта, право собственности на который возникло не ранее 1 января 2007 года, или на реконструкцию жилого объекта независимо от даты возникновения права собственности на него.

Приводим перечень документов, необходимых для направления средств материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий:

1) письменное заявление о распоряжении средствами или частью средств материнского капитала (бланк заявления выдается в Пенсионном фонде РФ);

2) сертификат на материнский капитал или его дубликат;

3) страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования лица, получившего сертификат;

4) документы, удостоверяющие личность, место жительства или пребывания лица, получившего сертификат.

Средства материнского капитала можно направить на приобретение или строительство жилого помещения, осуществляемое лицом, состоящим в зарегистрированном браке с лицом, получившим сертификат, но при этом необходимо дополнительно представить свидетельство о браке.

Для направления части средств материнского (семейного) капитала в размере 50% лицам, осуществляющим строительство или реконструкцию индивидуального жилого помещения без привлечения организации-подрядчика, необходимо представить копии следующих документов:

– документа, подтверждающего право собственности владельца сертификата или супруга на земельный участок, предназначенный для индивидуального жилищного строительства, на котором ведется строительство объекта индивидуального жилищного строительства, или право постоянного или бессрочного пользования таким земельным участком, или право пожизненного наследуемого владения таким земельным участком, или право безвозмездного срочного пользования таким земельным участком, или копию договора аренды такого земельного участка;

– разрешения на строительство, выданного владелице сертификата или ее супругу;

– свидетельства о государственной регистрации права собственности владелицы сертификата или ее супруга на объект индивидуального жилищного строительства (в случае если средства материнского капитала направляются на его реконструкцию).

Также представляется письменное обязательство лица или лиц, на которых оформлено разрешение на строительство, в течение шести месяцев после получения кадастрового паспорта объекта индивидуального жилищного строительства оформить жилое помещение, построенное или реконструированное с использованием средств материнского капитала, в общую собственность лица, получившего сертификат, супруга, детей, в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих, с определением размера долей по соглашению, и документ, подтверждающий открытие банковского счета, с указанием реквизитов.

Дополнительно через шесть месяцев необходимо представить документ, выданный органом, уполномоченным на выдачу разрешения на строительство, который подтверждает проведение основных работ по строительству объекта индивидуального жилищного строительства, монтаж фундамента, возведение стен и кровли или проведение работ по реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства, в результате которых общая

площадь жилого помещения увеличилась не менее чем на учетную норму площади жилого помещения, устанавливаемую в соответствии с жилищным законодательством РФ.

Лица, желающие получить компенсацию затрат на строительство или реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства, представляют в территориальный орган Пенсионного фонда РФ:

– копию документа, подтверждающего право собственности владелицы сертификата или ее супруга на земельный участок, который предназначен для индивидуального жилищного строительства, на котором осуществляется строительство объекта индивидуального жилищного строительства, или право постоянного или бессрочного пользования таким земельным участком, или право пожизненного наследуемого владения таким земельным участком, или право безвозмездного срочного пользования таким земельным участком, или копию договора аренды такого земельного участка;

– копию свидетельства о государственной регистрации права собственности на объект индивидуального жилищного строительства, возникшего не ранее 1 января 2007 года, либо на реконструированный после 1 января 2007 года объект индивидуального жилищного строительства – независимо от даты возникновения указанного права;

– письменное обязательство лица или лиц, в чьей собственности находится объект индивидуального жилищного строительства, оформить указанный объект в общую собственность лица, получившего сертификат, супруга, детей, в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих, с определением размера долей по соглашению в течение шести месяцев после перечисления Пенсионным фондом РФ средств материнского капитала (в случае если объект индивидуального жилищного строительства оформлен не в общую собственность указанных лиц);

– документ, подтверждающий открытие банковского счета с указанием реквизитов.

Я и мой муж проживаем вместе в собственном доме, в этом жилом помещении зарегистрированы только мы. Мой супруг является инвалидом III группы. В каком размере ему должны предоставляться меры социальной поддержки для оплаты жилого помещения и коммунальных услуг?

Статья 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 20 июля 2012 года № 124-ФЗ (далее – Закон) предусматривает предоставление инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, скидки не ниже 50% на оплату жилого помещения государственного или муниципального жилищного фонда и оплату коммунальных услуг (независимо от принадлежности жилищного фонда), а в жилых домах, не имеющих центрального отопления, – на стоимость топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению.

В соответствии со ст. 28.2 Закона, полномочия Российской Федерации по предоставлению мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг данной категории граждан переданы органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Им предоставлено право определять порядок и форму (денежную или натуральную) предоставления данных мер социальной поддержки.

Для реализации данного полномочия органам государственной власти субъекта Российской Федерации выделяются субвенции из федерального бюджета согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 года № 861 «Об утверждении методики распределения субвенций из федерального бюджета между бюджетами субъектов Российской Федерации на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан и Правил предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан и осуществления расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются указанные субвенции».

Главным распорядителем средств Федерального бюджета, направляемых органам государственной власти субъектов Российской Федерации на оплату жилищно-коммунальных услуг, является Минфин России, которому указанные органы субъектов Российской Федерации представляют отчет о расходовании этих средств с указанием численности лиц, имеющих право на указанную меру социальной поддержки.

По вопросу определения круга лиц, обладающих правом на указанные меры социальной поддержки, сообщается.

Положениями Закона предоставление мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг не ограничено социальной нормой площади жилья и нормативами потребления коммунальных услуг.

Следовательно, формулировка статьи 17 Закона дает основание полагать, что меры социальной поддержки предоставляются одиноко проживающим инвалидам на оплату всей занимаемой площади и всего объема потребленных коммунальных услуг, а инвалидам, проживающим совместно с другими членами семьи, только на долю жилого помещения, приходящуюся на инвалида.

Данная позиция также подтверждена в письме Минрегиона России от 25 декабря 2006 года № 14713-РМ/07.

Предоставление мер социальной поддержки инвалидам войны закреплено законодателем в ст. 14 и 15 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» (далее – закона «О ветеранах»), инвалидам войны предусматриваются следующие льготы по оплате жилого помещения и коммунальных услуг:

– оплата в размере 50% занимаемой общей площади жилых помещений (в коммунальных квартирах – занимаемой жилой площади), в том числе членами семьи участника Великой Отечественной войны, совместно с ним проживавшими;

– оплата в размере 50% коммунальных услуг (водоснабжение, водоотведение, вывоз бытовых и других отходов, газ, электрическая и тепловая энергия – в пределах нормативов потребления указанных услуг, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), в том числе членами семей инвалидов войны, совместно с ними проживающими; инвалидам войны, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, – топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого топлива. Обеспечение топливом инвалидов войны производится в первоочередном порядке. Меры социальной поддержки по оплате указанных услуг предоставляются независимо от вида жилищного фонда.

Исходя из смысла первой части вышеназванной нормы все перечисленные в ней льготы распространяются на членов семьи инвалидов войны, совместно с ними проживающих. Часть вторая – «инвалидам войны, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, – топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению» – является уточнением части первой, поясняющей особенности предоставления льгот для категории граждан, которые проживают в домах, не имеющих центрального отопления.

Следует отметить, что полномочия Российской Федерации по предоставлению мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг данной категории граждан в соответствии со ст. 23.2 закона «О ветеранах» переданы органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно определяют объем и порядок предоставления мер социальной поддержки гражданам отдельных категорий.

КУПЕРНИК ЛЕВ АБРАМОВИЧ
(1845–1905)

Родился Лев Абрамович Куперник 30 сентября 1845 года в Вильно. Его родители, состоятельные купцы, не жалели денег на воспитание и образование сына. Блестяще одаренный мальчик в 15 лет окончил Киевскую гимназию и в 19 – юридический факультет Московского университета, после чего был зачислен кандидатом на судебные должности.

Куперник сразу определил свое адвокатское призвание и с 1867 года, вскоре после того как была конституирована (17 апреля 1866 года) присяжная адвокатура, начал служить, и верно прослужил ей 40 лет. До 1877 года он был адвокатом в Москве – сначала помощником присяжного поверенного М. И. Доброхотова, а с 16 декабря 1872 года – присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

Первое же (или одно из первых) выступление юного Куперника в качестве адвоката обернулось казусом, который вошел в историю отечественной адвокатуры. Лев Абрамович был назначен защищать убийцу четырех человек. Выслушав на суде циничный рассказ убийцы о том, как он совершил преступление, адвокат заявил судьям: «Если закон позволяет обвинителю по совести отказаться от обвинения, то я считаю и себя вправе отказаться от защиты… Да свершится правосудие!». Московский совет присяжных поверенных признал заявление Куперника «неуместным», а председатель Петербургского совета К. К. Арсеньев упрекнул Московский совет в том, что он не подвергнул защитника «дисциплинарному взысканию».

Впредь он не отказывался от защиты доверившегося ему клиента, но и не брал на себя защиту заведомо одиозных дел. Так, на громком уголовном процессе 1871 года в Московском окружном суде по делу о «клубе червонных валетов», то есть о 45 лицах, обвиняемых в особо крупном мошенничестве, Куперник защищал случайно оказавшуюся среди них мещанку Соколову, доказал невиновность и добился оправдания своей подзащитной.

Как московский адвокат Куперник начал выступать и на политических процессах: по делу нечаевцев в 1871 году, будучи еще помощником присяжного поверенного, и по делу долгушинцев в 1874 году, где он, став к тому времени уже присяжным поверенным, самостоятельно защищал обвиняемого Э. Э. Циммермана. Член кружка долгушинцев, 24-летний эстонец Циммерман обвинялся в знании и недонесении о том, как другой долгушинец, А. В. Васильев, распространял «прокламации преступного содержания». Куперник не оставил от обвинения своего подзащитного камня на камне. Он подчеркнул, что

«недонесение не есть самостоятельное преступление, и ответственность за него только тогда существует, когда доказано главное преступление» (в случае с Васильевым не доказанное), а к тому же еще «Циммерману не было даже надобности доносить, так как преступный замысел и виновные были уже обнаружены самим правительством». Суд в какой-то степени посчитался с доводами защиты и определил Циммерману скромную меру наказания – 2 недели ареста. Именно процесс долгушинцев принес московскому адвокату Куперникy общероссийскую известность.

В 1873 году здесь же, в Москве, Куперник вступил в брак с Ольгой Петровной Щепкиной – внучкой великого актера М. С. Щепкина, пианисткой, любимой ученицей Н. Г. Рубинштейна (основателя и первого директора Московской консерватории). 12 января 1874 года у них родилась дочь Таня – впоследствии актриса, писательница, драматург, переводчица, заслуженный деятель искусств РСФСР Т. Л. Щепкина-Куперник, близкий друг А. П. Чехова и М. Н. Ермоловой. Брак не удался: через полтора года после рождения дочери Лев Абрамович и Ольга Петровна разошлись, но к дочери отец сохранил родительскую привязанность до конца своих дней, хотя был женат еще дважды.

В 1877 году Куперник переехал в Киев и здесь служил в адвокатуре. С конца 70-х до начала 90-х годов, кроме множества уголовных и гражданских дел, он выступил в нескольких политических процессах, включая громкие дела о «Чигиринском заговоре» и о 12 народовольцах.

По делу 12 народовольцев судились с 1 по 9 ноября 1884 года в Киевском военно-окружном суде. Куперник здесь взял на себя «защиту всего дела с принципиальной стороны». Он искусно опровергал юридические уловки обвинения и уводил его из-под ст. 249 Уложения о наказаниях, которую прокурор привязывал ко всем обвиняемым и которая грозила им смертной казнью. Куперник напомнил суду, что ст. 249 появилась в Уложении как реакция на восстание декабристов и что она подразумевает именно вооруженное восстание, «бунт войск», к «Народной воле» не относящиеся.

Более того, Лев Абрамович разоблачал попытки обвинения шельмовать программу «Народной воли» как химеру, преследующую только разрушение. Он разъяснял, что «Народная воля» ставит целью разрушение лишь того строя, который пока господствует в России, и замену его другим, причем заметил: «Ничего химерического, недостижимого в этом нет. Ведь существуют же в Западной Европе государства с иными политическими учреждениями, чем у нас».

Усилиями Куперника в первую очередь, а также других адвокатов (среди них были присяжные поверенные А. С. Гольденвейзер и А. Ф. Линдфорс), обвинение по делу 12 народовольцев было настолько расшатано, что суд вынес неожиданно мягкий приговор: ни одной виселицы и (редкость в практике военных судов!) трое оправданных.

Власти в лице главы правительства Д. А. Толстого и военного министра П. С. Ванновского сочли такой приговор «весьма слабым» (начальник Киевского жандармского управления В. Д. Новицкий назвал его «дамским»), а председатель суда генерал П. А. Кузьмин был уволен с должности. После этого на процессах «Народной воли» ни один суд не выносил более «дамских» приговоров.

Не довольствуясь чисто юридической практикой адвоката, Куперник с риском для своей служебной карьеры проявлял в Киеве общественную и политическую активность.

В 1885 году, благодаря своим обширным связям и средствам, он наладил в Киеве издание «политической и литературной» газеты «Заря» – издания либерального, заметно антиправительственного направления. Уже на следующий год власти закрыли газету. После этого политическая атмосфера в Киеве, должно быть, стала для Куперника невыносимой, и в 1891 году он переселился в Одессу.

К тому времени Лев Абрамович уже выдвинулся в ряд популярнейших адвокатов России. О нем стали говорить: «Одесский адвокат Куперник – известный всех Плевак соперник». А он, в отличие от Ф. Н. Плевако, все больше тянулся к политике. Он списался в Лондоне с «Фондом Вольной русской прессы» – организацией русских политических

эмигрантов-народников во главе с С. М. Кравчинским (Степняком) и Ф. В. Волховским. Через фонд в 1894 году выпустил в свет свой проект конституции. «Проект» Куперника намечал преобразование России в конституционную монархию с палатой народных представителей и областными сеймами, гарантию политических свобод, а для решения особо важных вопросов – созыв Земского собора. Намеревался финансировать многие начинания фонда.

Осуществить это не удалось главным образом по той причине, что вскоре трагически погиб Кравчинский: 11 (23) декабря 1895 года он попал под поезд. Впрочем, до конца 1895 года фонд успел издать еще одну брошюру Куперника, «О судебном преобразовании», – текст доклада, с которым Лев Абрамович выступил в Одесском юридическом обществе и за публикацию которого в Одессе содержатель типографии был привлечен к суду.

В 1896 году Куперник вернулся в Киев, где и прожил последние 10 лет своей жизни. По воспоминаниям современников, он царил над киевской адвокатурой и вообще был «любимцем всех киевлян». Из судебных дел, по которым он выступал как адвокат после возвращения в Киев, наибольший резонанс имели дела о еврейских погромах 1903–1904 годов.

6–7 апреля 1903 года был организован погром в Кишиневе, жертвами которого стали (только убитыми) 41 человек (из них 10 женщин). Как выяснилось еще до суда, организовали погром агенты охранки если не по указанию, то с санкции министра внутренних дел В. К. Плеве, который хотел отвлечь недовольные «низы» от политики, бросив им «кость» в лице «жидов».

Под давлением российской и международной общественности царизм предал суду кишиневских громил, но отказал адвокатам в их требовании вызвать на допрос губернатора, начальника охранки и полицмейстера, дабы не обнаружилась причастность властей к погрому. Тогда адвокаты демонстративно ушли с процесса. То была первая в России, но далеко не последняя адвокатская забастовка. Уже в следующем году Куперник и его сотоварищи вынуждены были прибегнуть к ней снова – тоже в погромном деле.

1 сентября 1904 года в Гомеле последовал новый еврейский погром. На этот раз причастность властей к его организации была еще очевиднее. Суд по указке администрации пытался оправдать погром евреев как стихийный протест против «русского погрома», каковым была представлена драка на местном рынке. Все, что противоречило той официальной версии, на суде пресекалось или устранялось. Тогда все защитники ушли с процесса и опубликовали в еженедельнике «Право» заявление о невозможности при таких условиях оставаться в зале заседания, сохраняя свое личное и сословное достоинство.

Мотивированный уход адвокатуры с кишиневского и гомельского процессов помог российской общественности убедиться в том, что царизм, как заметил тогда Г. В. Плеханов, играет в погромах «гнусную роль сообщника и подстрекателя».

«Лебединой песней» Куперника-адвоката стало его смелое выступление в защиту матросов миноносца «Прут», присоединившегося к восставшему броненосцу «Потемкин». То был очень громкий процесс «Сорока четырех» 21–30 июля 1905 года в Севастополе. Вообще в 1904-м и особенно в 1905 годах Лев Абрамович выступал на десятках политических процессов, временами по нескольку раз в месяц.

Защитительные речи Куперника дошли до нас лишь в изложении журналистов, работавших в суде. Сам он тексты своих речей не писал, пользуясь краткими, ему одному понятными конспектами, набросанными карандашом на любом клочке бумаги. Как судебный оратор он выделялся эрудицией и остроумием. Популярность Куперника как юриста была так велика, что на двух последних при его жизни всероссийских съездах криминалистов в Петербурге и Киеве он избирался почетным председателем.

Впрочем, Куперник был не только юристом. Он профессионально заявил о себе и в мире театрального искусства. Как театрал и меломан он много меценатствовал, выступал с театральными рецензиями, возглавлял Киевское драматическое общество. Еще заметнее Лев Абрамович проявил себя в мире музыки. Он был членом дирекции одесского отделения Рус-

ского музыкального общества и пропагандистом-энтузиастом отечественной музыки. Дружеские отношения связывали его с П. И. Чайковским и Ф. И. Шаляпиным.

Широта культурных запросов Куперника проявилась и в том, что он великолепно знал литературу – как русскую, так и европейскую. У него была огромная библиотека.

Все сделанное Куперником в качестве юриста и общественного деятеля известный социал-демократ Л. Г. Дейч оценил как «огромную неоценимую услугу нашему освободительному движению». Так думали многие. Не случайно многолюдные похороны Куперника 1 октября 1905 года (Лев Абрамович умер от воспаления легких 29 сентября) вылились в политическую демонстрацию. По пути следования погребальной процессии толпа пела марсельезу, а на кладбище были произнесены революционные речи.

Статья подготовлена руководителем аппарата Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Стецык А. А. на основе материалов, расположенных в сети Интернет по адресу: http://test.openworld.in.ua/?p=53.

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ

Как уже отмечалось в предыдущих номерах нашего журнала, он издается не только для юристов, ученых-правоведов и других специалистов в области юриспруденции, но и для широкого круга читателей с целью повышения правовой культуры населения и преодоления правового нигилизма.

В данном разделе мы публикуем заключительную главу книги А. Лопатиной и М. Скребцовой «Права подростков в рассказах, рисунках и вопросах».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В древние времена люди не знали законов. Брат поднимал меч на брата и сосед грабил соседа. Страшно было людям, и прятались они за частоколами. Такими высокими, что солнце не заглядывало за них, и днем там было темно, как ночью. И были у людей Черные правители, которые творили что хотели.

Но однажды пришел к людям белый старик с белой бородой до пят и спросил:

– Люди, почему вы живете в темноте?

– Нам страшно, – ответили люди, – потому что брат поднимает меч на брата, а сосед грабит соседа. И хуже всех наши Черные правители.

– Нужны справедливые законы, которые не позволят убивать и грабить: ни брату, ни соседу, ни правителю. Тогда над вами снова загорится солнце, частоколы рухнут, а страх растает, – сказал старик.

Задумались люди и попросили:

– Старик, дай нам справедливые законы, чтобы над нами снова светило солнце.

– Вы должны сами придумать их, – ответил старик.

– Мы не умеем думать, – вздохнули люди.

– Тогда пусть каждый заглянет в свое сердце и найдет там волосок веры, надежды или любви. Я соберу все волоски и сплету из них Великую книгу законов, – сказал старик.

Заглянули люди в свои сердца, и каждый дал старику по волоску веры, надежды или любви. Много лет старик собирал волоски, все народы обошел. Долго плел он Великую книгу законов – может, сто лет, а может, больше. Когда последний стежок был закончен, рухнули частоколы, поднялось солнце, и в его свете растаяли Черные правители.

Взяли люди Великую книгу законов и стали жить по ней. Потому что сплетена она была из веры, надежды и любви всего человечества.

К сожалению, кое-где в темных уголках сохранились еще осколки страха и черноты. И там люди снова строят высокие заборы и творят страшные дела.

ЮРИСТЫ ШУТЯТ

Юридический отдел любой коммерческой фирмы – это отдел по борьбе с законодательством.

Старый адвокат советует молодому:
– Когда будешь защищать кого-либо в суде, старайся говорить подольше. Чем дольше ты говоришь, тем дольше твой клиент будет оставаться на воле.

Судья:
– Вы утверждаете, что бросали в свою соседку только помидорами?
– Да.
– Тогда как вы объясните раны на ее теле?
– Помидоры были в банках!

Очень много людей пропадает без вести при переходе… от слов к делу.

К подследственному в камеру пришел адвокат:
– У меня две новости – плохая и хорошая, с какой начать?
– С плохой.
– Анализ пятен крови на месте преступления показал, что это ваша кровь.
– А какая тогда хорошая?
– Все показатели крови – гемоглобин, холестерин, сахар – в норме.

В школе с углубленным изучением права дети на уроке труда сшили дело.

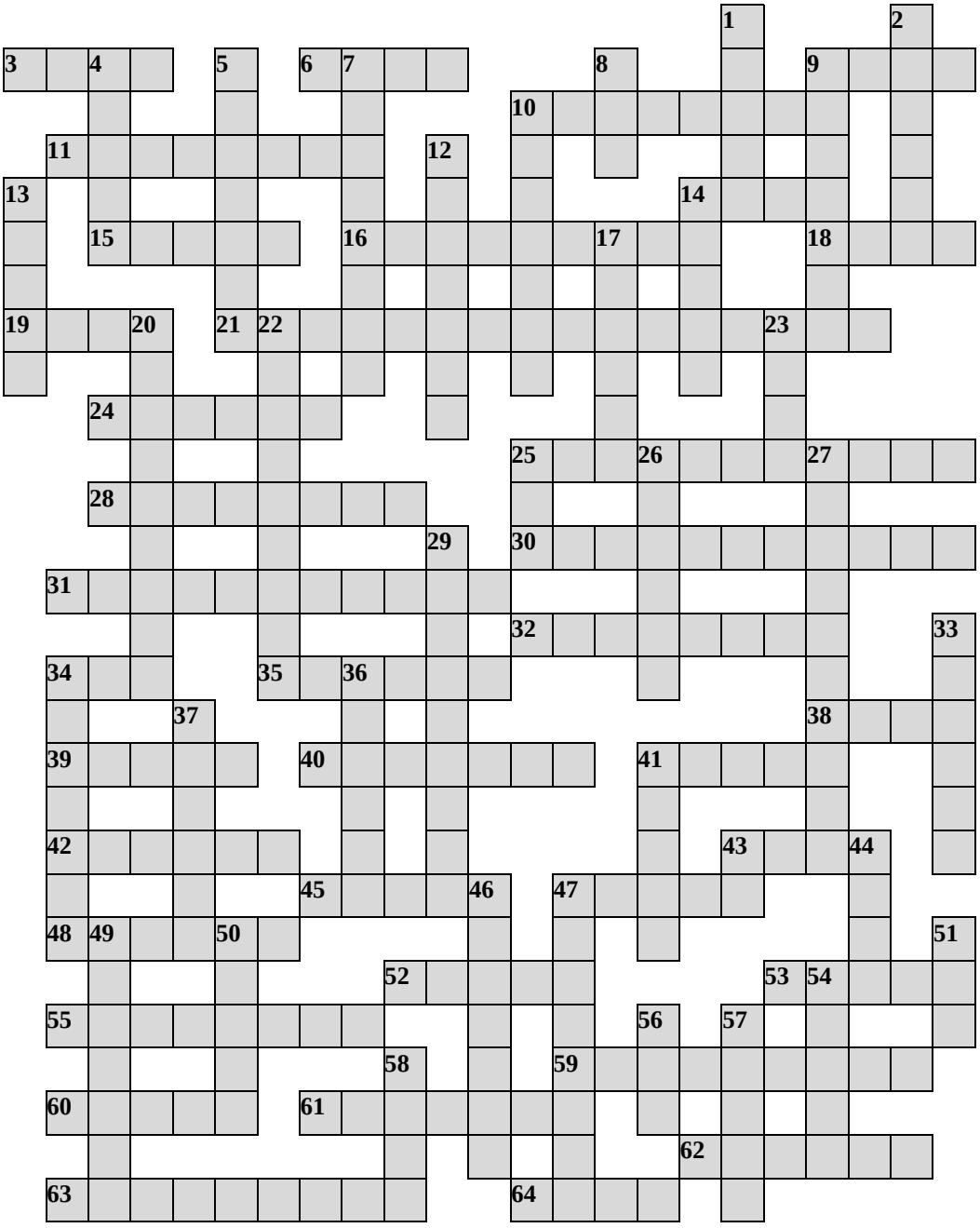
– Ваша честь, я прошу заменить мне адвоката. Тот, которого мне назначили, совершенно не интересуется моим делом!
Судья – адвокату:
– Что вы на это скажете?
Адвокат:
– Простите, Ваша честь, что вы сказали? Я прослушал...

Судья спрашивает женщину:
– Изложите причины, подтолкнувшие вас к разводу?
– Видите ли, мой муж ведет двойную жизнь, и ни одна из них мне не нравится.

Прием у адвоката.
– Так вы можете вести мое дело?
– В принципе, могу. А в чем вас обвиняют?
– В подделке денег.
– Да, пожалуй, возьмусь…
– Вот и хорошо! Плачу наличными!

ЮРИДИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

Составитель: А. Ю. Белоножкин, к. ю. н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт», адвокат Волгоградской коллегии адвокатов «Мейер и партнеры».



По горизонтали:

3. По гражданскому праву – психическое отношение лица к своему противоправному деянию (действию или бездействию) и его последствиям.

6. По гражданскому праву – умаление, уничтожение субъективного права или блага.

9. По гражданскому праву – основанное на риске и заключенное между двумя или несколькими лицами (как физическими, так и юридическими) соглашение о выигрыше, исход которого зависит от обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет.

10. По гражданскому праву – хранение вещей, являющихся предметом спора.

11. По гражданскому праву – сторона гражданско-правового договора в сфере обращения товаров.

14. По гражданскому праву – зарытые в земле, сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право.

15. По гражданскому праву – эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации.

16. По гражданскому праву – деятельность, правовое регулирование которой определяется транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами.

18. По гражданскому праву – сделка, по которой одна сторона обязуется передать товар в собственность другой стороны, а последняя обязуется передать в собственность первой стороны другой товар.

19. По конституционному праву – вид и название нормативного или индивидуального акта, обычно издаваемого главой государства.

21. По корпоративному праву – зависимость одного субъекта от другого, прямое или косвенное подчинение ему.

24. По русскому жаргону уголовного мира – кровать.

25. По уголовному процессу – назначенное в установленном законом порядке должностное лицо органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, задачей которого является производство предварительного следствия.

28. По уголовному праву – срок, по истечении которого лицо не подлежит уголовной ответственности или обвинительный приговор – исполнению.

30. По процессуальному праву – один из видов деятельности участников административного, гражданского или уголовного процесса.

31. По процессуальному праву – одно из свойств доказательств по гражданскому или уголовному делу.

32. По гражданскому праву – совокупность свойств продукции, обусловливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением.

34. По гражданскому праву – вид нематериального блага.

35. По римскому праву – лицо, совершающее без поручения действия в интересах другого лица.

38. По уголовному праву – сильный наркотик.

39. По гражданскому праву – состязательный порядок заключения некоторых договоров.

40. По гражданскому праву – вид ценной бумаги.

41. По административному праву – территория, на которую распространяется компетенция определенных органов власти.

42. По семейному праву – расторжение брака между супругами.

43. По истории государства и права зарубежных стран – один из источников мусульманского права (шариата), представляющий собой толкование Корана и сунны.

45. По теории права – вид нормативного правового акта.

47. По гражданскому праву – платеж, предшествующий передаче имущества, выполнению работы, оказанию услуги.

48. По семейному праву – один из актов гражданского состояния.

52. По конституционному праву – одна из форм политической организации общества.

53. По международному праву – груз, перевозимый морским судном.

55. По теории права – совокупность родственных правовых норм.

59. По процессуальному праву – лицо, которому известны обстоятельства, подлежащие установлению по административному, гражданскому или уголовному делу.

60. По гражданскому праву – безвозмездное пользование имуществом.

61. По гражданскому праву – лицо, гарантирующее платеж по векселю.

62. По международному праву – положение, устав, определяющий порядок организации и деятельности отдельных внутригосударственных и международных организаций.

63. По гражданскому праву – единоличный исполнительный орган в обществе с ограниченной ответственностью.

64. По истории права – название низшей структурной части государственных учреждений в России до 1917 года.

По вертикали:

1. По международному праву – глава дипломатического представительства наиболее высокого (в протокольном отношении) уровня.

2. По уголовному праву – место, регулярно (систематически) используемое для совершения развратных действий, участия в азартных играх, распития спиртных напитков или употребления наркотиков.

4. По теории права – одно из базовых понятий правовой системы.

5. По административному праву – форма нормативного правового акта, которым устанавливаются процедурные нормы, определяющие порядок осуществления какого-либо рода деятельности.

7. По теории и истории права – заимствование (воспроизведение, восприятие) какой-либо национальной правовой системой принципов, институтов, основных черт другой национальной правовой системы.

8. По теории права – поступок, действие; официальный документ.

9. По гражданскому праву – существенное условие гражданско-правового договора.

10. По гражданскому праву – гражданин, создавший с другим гражданином произведение совместным творческим трудом.

12. По уголовному процессу – решение коллегии присяжных заседателей.

13. По гражданскому праву – событие, которое не зависит от воли лица и поэтому не может быть предусмотрено при данных условиях.

14. По гражданскому праву – средства соответствующего бюджета и иное государственное имущество, принадлежащее РФ, субъекту РФ на праве собственности, не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями.

17. По военному праву – официально присваиваемое наименование, определяющееся степенью заслуг, квалификацией, служебным положением.

20. По гражданскому праву – документ о залоге должником недвижимости.

22. По гражданскому праву – договор финансирования под уступку денежного требования.

23. По истории государства и права России – единица податного обложения в России XIII–XVII веков.

25. По конституционному праву – орган государства – представитель одной из трех ветвей власти РФ.

26. По международному праву – протокольный глава (старшина, старейшина) дипломатического корпуса, старший по классу и времени пребывания в данной стране посол одного из дипломатических представительств.

27. По криминалистике – раздел криминалистики, изучающий следы и разрабатывающий приемы, методы и научно-технические средства их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования.

29. По семейному праву – факт биологического и (или) социального происхождения ребенка от определенного мужчины.

33. По гражданскому праву – член кооператива, товарищества или иной организации, владеющий паем в ее имуществе.

34. По теории права – простое юридическое дозволение.

36. По гражданскому праву – действие гражданина и юридического лица, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

37. По уголовному праву – договоренность о совершении преступной акции.

41. По трудовому праву – фиксированный размер оплаты труда работника за исполнение трудовых (должностных) обязанностей определенной сложности за календарный месяц без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат.

44. По налоговому праву – обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий).

46. По гражданскому праву – один из способов прекращения обязательств.

47. По военному праву – документ, выдаваемый военнослужащему при переводах по службе, командировках, об удовлетворении его различными видами довольствия, а также члену его семьи на право получения части довольствия.

49. По конституционному праву – родовое название руководителей наиболее важных органов государственного управления, входящих в структуру правительства.

50. По римскому праву – территориальный и избирательный округ Древнего Рима, а также население этого округа.

51. По гражданскому праву – однородная или функционально взаимосвязанная партия продукции, которая выделена заказчиком или уполномоченным органом для проведения закупки однотипной продукции.

54. По гражданскому праву – доверенное лицо (юридическое или физическое), совершающее за вознаграждение в пределах полученных полномочий действия по поручению и в интересах другого лица.

56. По административному праву – служебный разряд военных и гражданских служащих, с которым связаны определенные права и обязанности.

57. По международному праву – в XIV–XIX веках часть города, выделявшаяся в странах Западной и Центральной Европы для изолированного проживания евреев.

58. По международному праву – одно из наименований международного договора.

Тот, кто первым пришлет в редакцию журнала на адрес электронной почты info@alrf34.ru правильные ответы на все вопросы кроссворда, получит ценный подарок от составителя!

Баев Р. Р. – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Баринов А. В. – кандидат медицинских наук, доцент кафедры уголовного права и процесса НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Баринов Д. А. – выпускник юридического факультета НОУ ВПО «Международный институт экономики и права».

Белоножкин А. Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин НОЧУ ВПО «Волгоградский гуманитарный институт».

Гезикова О. В. **–** юрист правового отдела Министерства образования и науки Волгоградской области.

Каверина К. С. **–** аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Луговец В. Я. **–** преподаватель юридических дисциплин ГБОУ СПО «Волгоградский строительный техникум».

Остапенко И. А. – ведущий специалист-эксперт (юрисконсульт) УПФР (ГУ) в Дзержинском районе г. Волгограда.

Сухов С. С. – магистрант группы МЮД-13-1 НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Федосеев Е. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры экспертизы и управления недвижимостью ФБОУ ВПО «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет».

Федотов Д. В. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии.

Шаталина З. Ю. – магистрант направления подготовки «юриспруденция» института философии, социологии и права ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВА

Баев Р. Р.
Принудительное переселение и специальное поселение репрессированных народов в истории советского государства и права 2
Баринов А. В., Баринов Д. А.
Необходимость пересмотра правовых норм в отношении несовершеннолетних 10
Белоножкин А. Ю.
Понятие гражданско-правовой нормы 14
Гезикова О. В.
Подозрительная сделка. Понятие и практика 21
Каверина К. С.
Механизм реализации норм административного права: понятие, стадии, элементы 26
Луговец В. Я.
Обязательное и добровольное страхование профессиональной ответственности 31
Остапенко И. А.
Принципы договорного права, воплощенные в административном договоре 34
Федосеев Е. Ю.
Экстраординарные сделки. Понятие и виды 39
Федотов Д. В.
Последствия заключения соглашения об отступном, или о новации в обязательствах с солидарной множественностью лиц 52

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ

Сухов С. С.
Правовой статус защитника при проведении предварительного расследования 56
Шаталина З. Ю.
Реализация налоговой функции государства путем формирования налоговой политики 60

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ 62

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ 64

ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ 68

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ 72

ЮРИСТЫ ШУТЯТ 73

ЮРИДИЧЕСКИЙ КРОССВОРД 74

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 78

Директор издательства *М. О. Каррыев*
Редактор *А. М. Полякова*
Технические редакторы *А. М. Полякова*
И. А. Лавров

Подписано в печать 20.10.2014. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 6,70. Тираж 1000 экз. Заказ_____.

Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
400011 г. Волгоград, пр-т Университетский, 64.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Радуга».
400002 г. Волгоград, ул. Электролесовская, д. 64.